Реставратор его души

A.S. ADRIELLA

18+

A. S AdriElla

Реставратор его души

«Автор»
2026

AdriElla A.

Реставратор его души / A. AdriElla — «Автор», 2026

Время Антонио остановилось двадцать один год назад, когда он убил в себе способность чувствовать, чтобы выжить в безжалостном мире картелей.
Он стал идеальным механизмом власти — ледяным, недосягаемым и смертоносным.Пока в его жизни не появилась она.Элиза читает историю по пыльным страницам и трещинам на древних камнях. Оказавшись в эпицентре криминальных интриг и одержимости самого опасного человека Европы, она делает немыслимое: вместо того, чтобы бежать, она начинает кропотливую, ювелирную реставрацию его мертвой души.Каждое ее прикосновение — это вызов. Каждый его взгляд — это капитуляция.Но прошлое не умеет прощать. Чтобы защитить свой единственный свет, темному императору придется сжечь мосты, отказаться от короны и доказать, что даже из самой черной, пропитанной кровью грязи можно выплавить абсолютное, вечное золото.

© AdriElla A., 2026
© Автор, 2026

A. S AdriElla
Реставратор его души

ГЛАВА 1. Встреча в пыли веков:

Перспектива Элизы

Воздух в огромном бальном зале исторического особняка был тяжелым, пропитанным ароматами селективного парфюма, терпкого кубинского табака и той неуловимой, почти осязаемой роскоши, которая всегда неизбежно сопровождает безграничную власть. Я стояла у высокого арочного окна, наполовину скрытая тяжелыми портьерами из темно-бордового бархата, и смотрела на улицу. За толстым, идеально вымытым стеклом бушевала осенняя гроза. Крупные капли дождя безжалостно били по стеклу, искажая свет уличных фонарей и превращая ночной город в размытое полотно импрессиониста. Этот холодный, яростный ливень за окном парадоксальным образом казался мне гораздо более искренним и настоящим, чем все то, что происходило сейчас за моей спиной.

Мне был двадцать один год, и я совершенно не вписывалась в этот мир. Я чувствовала это кожей, каждым нервным окончанием, каждым вдохом, который делала в этом зале, где люди улыбались друг другу не из симпатии, а из холодного расчета. Мое темно-синее шелковое платье, хотя и элегантное, было слишком простым по сравнению с нарядами женщин, чьи шеи украшали бриллианты, стоящие больше, чем я могла бы заработать за всю свою жизнь. Но я была здесь не ради них. Я была здесь, потому что в этом зале находился он.

Антонио.

Даже сейчас, не оборачиваясь, я знала, что он здесь. Это было не просто знание, это было физическое ощущение. Когда он входил в комнату, гравитация неуловимо менялась. Разговоры становились чуть тише, спины мужчин выпрямлялись в инстинктивном напряжении, а взгляды женщин устремлялись в одну точку, словно намагниченные. Ему был сорок один год. Двадцать лет разницы между нами казались не просто цифрой, а целой пропастью, заполненной его опытом, его тайнами, его жестоким миром и моей наивной, отчаянной надеждой.

Он был мужчиной, чье имя произносили с осторожностью. Владелец огромной империи, чьи корни глубоко уходили в тень, в тот самый криминальный мир, о котором такие, как я, читали только в криминальных хрониках. Но в нем не было ни капли той вульгарной жестокости, которую обычно приписывают людям его круга. Антонио был воплощением холодного, расчетливого контроля. Идеально скроенный черный костюм сидел на его высокой, широкоплечей фигуре как вторая кожа. Его движения были неторопливыми, плавными, как у крупного хищника, который знает, что ему некуда спешить, потому что территория и так принадлежит ему.

Я медленно повернула голову, позволяя себе один короткий взгляд. Он стоял в центре зала, окруженный группой влиятельных политиков и бизнесменов. В одной руке он держал бокал с виски, но я знала, что он почти не пьет. Это был лишь реквизит, часть образа. Его лицо — поразительно красивое, с резкими, скульптурными чертами, густыми темными волосами, в которых лишь у самых висков пробивалась едва заметная серебряная нить, — оставалось абсолютно непроницаемым. Ни одна эмоция не отражалась в его глубоких, почти черных глазах. Он слушал собеседников с вежливой отчужденностью, иногда кивал, но его мысли были где-то далеко.

И вдруг, словно почувствовав мой взгляд сквозь толпу, сквозь гул голосов и звуки живого джаза, он поднял глаза.

Мое сердце пропустило удар, а затем забилось с такой бешеной скоростью, что мне на мгновение стало трудно дышать. Наши взгляды встретились. В эту секунду мир вокруг нас просто перестал существовать. Шум зала превратился в глухой белый шум, свет люстр померк.

В его глазах не было улыбки. В них вообще редко можно было прочитать что-то, кроме ледяного спокойствия, но сейчас, глядя на меня, он чуть сузил веки. В этом микроскопическом жесте, в этой доле секунды было столько скрытого напряжения и невысказанного притяжения, что у меня по спине пробежала дрожь.

Я поспешно отвернулась к окну, судорожно сжимая тонкую ножку бокала с шампанским. Мои щеки горели. Я злилась на себя за эту реакцию, за то, как легко он мог лишить меня самообладания одним только взглядом. Я знала правду. Я не была глупой или слепой. Я прекрасно понимала, что наши отношения — если это вообще можно было назвать отношениями — строились на чудовищном неравенстве.

Для него я была оазисом. Красивой, молодой, эмоциональной девушкой, рядом с которой он мог на несколько часов снять свою железную броню. Я была для него отдыхом, глотком свежего воздуха в его удушливом мире постоянных интриг, предательств и крови. Он видел во мне искренность и страсть, которые привлекали его физически, но он не хотел моей души. Он не хотел сложностей, которые неизбежно приносит с собой любовь.

А я... я тонула в нем. С каждой нашей встречей, с каждым его прикосновением, я падала все глубже, обманывая себя тем, что смогу удержать дистанцию. Я хотела быть любимой, а не просто желанной. Я хотела, чтобы он смотрел на меня не как на временное убежище, а как на смысл своей жизни. Но каждый раз, когда я пыталась заглянуть за стену, которой он окружил свое сердце, я натыкалась на лед.

— Ты слишком много думаешь, Элиза.

Его голос прозвучал совсем рядом, низкий, бархатный, с легкой хрипотцой, от которой у меня всегда подкашивались колени. Я даже не заметила, как он пересек зал. Он умел двигаться совершенно бесшумно, несмотря на свои размеры.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить пульс, и медленно повернулась к нему. Он стоял так близко, что я могла уловить тонкий, волнующий аромат его парфюма — смесь кедра, черного перца и чего-то невероятно мужского, первобытного. Его высокое тело почти полностью загораживало мне обзор на остальной зал, создавая иллюзию уединения в толпе.

— А ты слишком незаметно подкрадываешься, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно и слегка иронично. Я подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо. — Твои партнеры не обиделись, что ты оставил их на полуслове?

Уголок его губ едва заметно дрогнул, обозначая то, что у Антонио заменяло улыбку.

— Они говорят только о деньгах и власти. Это утомляет, — произнес он, скользя взглядом по моему лицу. Его глаза задержались на моих губах, затем опустились на открытую линию шеи. Этот медленный, изучающий взгляд был обжигающим. Я чувствовала его как физическое прикосновение на своей коже.

— И поэтому ты подошел ко мне? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает горькая обида. — Чтобы отвлечься? Чтобы я развлекла тебя, пока тебе скучно?

Антонио слегка нахмурился. Легкая тень недовольства пробежала по его лицу. Он не любил, когда я задавала такие вопросы. Он вообще не любил, когда я пыталась вывести наши разговоры из зоны легкого, ни к чему не обязывающего флирта в плоскость настоящих эмоций.

Он протянул руку и медленно, кончиками пальцев коснулся моей щеки. Его прикосновение было неожиданно нежным, почти трепетным. От этого контраста между его суровой внешностью и ласковостью его пальцев мне захотелось закрыть глаза и просто прижаться к его ладони. Но я заставила себя стоять прямо и смотреть ему в глаза.

— Я подошел к тебе, потому что это единственное место в этом зале, где я хочу сейчас находиться, — тихо ответил он. Его большой палец медленно очертил линию моей скулы, заставляя мое дыхание сбиться. — Тебе идет этот цвет. Ты выглядишь... как ночное небо.

Его комплименты всегда были редкими, но попадали в самую цель. Он знал, как обезоружить меня. Он знал, как заставить меня забыть о своей гордости и своих страхах.

— Спасибо, — прошептала я, чувствуя, как мой голос дрогнул.

Он шагнул еще ближе, вторгаясь в мое личное пространство. Тепло его тела передавалось мне, согревая, несмотря на прохладу, тянущуюся от окна. Его рука плавно скользнула с моей щеки на затылок, пальцы зарылись в мои волосы, слегка оттягивая их назад, заставляя меня поднять подбородок. Это был собственнический, властный жест, в котором сквозило абсолютное доминирование. Но парадокс заключался в том, что в этот момент я не чувствовала страха. Я чувствовала лишь всепоглощающую, сокрушительную потребность принадлежать ему.

— Почему ты грустишь, Элиза? — его голос стал еще тише, превратившись в интимный шепот. Он наклонился так близко, что его губы почти касались моего уха. Горячее дыхание обожгло мою кожу. — Я наблюдал за тобой весь вечер. Ты стоишь здесь, в тени, и смотришь на дождь так, словно хочешь, чтобы он смыл весь этот мир.

— Может быть, так оно и есть, — ответила я, закрывая глаза, потому что близость его тела лишала меня способности мыслить рационально. — Мне здесь не место, Антонио. Ты это знаешь. Я не принадлежу к твоему миру. Я не понимаю этих людей, а они не понимают меня.

— Тебе не нужно их понимать, — жестко ответил он, и его рука на моем затылке слегка сжалась, притягивая меня еще ближе. Моя грудь коснулась его твердой груди. — Тебе вообще не нужно думать о них. Ты здесь со мной.

— Но я не с тобой, — слова сорвались с моих губ быстрее, чем я успела их остановить. Я открыла глаза и посмотрела прямо в его темные, непроницаемые зрачки. Мое сердце колотилось о ребра, как птица в клетке. — Я просто присутствую здесь. Как красивый аксессуар. Как твой секрет. Когда этот вечер закончится, ты сядешь в свою машину, вернешься в свою огромную пустую крепость, а я вернусь в свою маленькую квартиру. Мы снова станем чужими до тех пор, пока тебе снова не захочется тишины и тепла.

Лицо Антонио заледенело. Вся нежность мгновенно исчезла из его черт, сменившись той холодной маской, которую он носил каждый день. Он медленно убрал руку от моих волос. Этот жест, это мгновенное физическое отдаление ударило по мне больнее, чем пощечина. Я почувствовала резкий укол холода там, где только что была его рука.

— Мы уже говорили об этом, Элиза, — его голос стал ровным, почти безжизненным. Тон, которым отдают приказы, не терпящие возражений. — Я взрослый человек. У меня сложная жизнь, полная обязательств, рисков и проблем, о которых тебе лучше никогда не знать. Мне не нужны драмы. Мне не нужны выяснения отношений. Я даю тебе все, что могу дать.

— Ты даешь мне деньги, дорогие подарки и редкие ночи страсти, — тихо сказала я, чувствуя, как к горлу подступает горький ком, а на глазах наворачиваются слезы. Я изо всех сил старалась их сдержать, чтобы не показаться слабой. — Но ты не даешь мне себя. Ты прячешься за своими стенами, Антонио. Ты боишься почувствовать что-то настоящее.

В его глазах вспыхнул опасный огонек. Он резко подался вперед, положив обе руки по обе стороны от меня на подоконник, фактически запирая меня в ловушку между окном и своим массивным телом. Я инстинктивно вжалась в стекло, чувствуя его холод спиной.

— Не приписывай мне эмоции, которых у меня нет, маленькая девочка, — прорычал он, и в его голосе впервые за вечер прозвучала едва сдерживаемая ярость. Но это была ярость не на меня, а на мои слова, которые задели что-то живое под его броней. — Я ничего не боюсь. Я просто знаю, как устроен этот мир. Любовь, привязанность, эмоциональная зависимость — это слабость. А в моем мире слабые не выживают. Если ты ищешь принца на белом коне, который будет клясться тебе в вечной любви и писать стихи, ты выбрала не того мужчину.

Его слова резали по живому. Каждое слово было как удар ножом, точным и расчетливым. Он хотел оттолкнуть меня, хотел сделать больно, чтобы я перестала надеяться. Но сквозь эту жестокость, сквозь эту показную отчужденность я вдруг увидела кое-что другое. Я увидела, как напряглись мышцы на его скулах. Я увидела, как тяжело вздымается его грудь. И, самое главное, я увидела, что он не уходит.

Если бы я действительно ничего для него не значила, он бы просто развернулся и ушел. Он бы не стоял сейчас здесь, нарушая все правила приличия этого общества, прижимая меня к окну, дыша тяжело и прерывисто, словно пробежал марафон.

Я медленно подняла руку и положила ладонь на его грудь, прямо туда, где под тонкой тканью рубашки и дорогим шелком галстука билось его сердце. Оно билось сильно, тяжело, выдавая его внутреннее напряжение, которое он так отчаянно пытался скрыть.

— Если я выбрала не того мужчину, Антонио, — прошептала я, глядя прямо в его темные глаза, — почему ты не отпускаешь меня? Почему ты сейчас здесь, со мной, а не с теми идеальными женщинами, которые готовы на все ради одного твоего взгляда?

Он замер. Мой вопрос повис в воздухе, смешавшись с шумом дождя за стеклом. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на растерянность — эмоция, совершенно не свойственная Антонио. На какую-то долю секунды маска треснула, обнажив мужчину, который сам не понимал, что с ним происходит. Мужчину, которого тянуло ко мне с непреодолимой силой, и который одновременно ненавидел себя за эту тягу.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул, словно собираясь с мыслями, а затем резко открыл их. Его взгляд снова стал непроницаемым.

— Потому что я эгоист, Элиза, — хрипло ответил он. Его руки соскользнули с подоконника, и он отступил на шаг назад, разрывая физический контакт. Воздух между нами мгновенно остыл. — Я беру то, что хочу. А сейчас я хочу тебя. Но это все, что я могу тебе предложить. Только это. Не обманывай себя, пытаясь найти то, чего нет.

Он поправил манжеты своей идеальной рубашки, привычным жестом возвращая себе контроль над ситуацией.

— Жди меня здесь. Я закончу дела с инвесторами через полчаса, и мы уедем, — бросил он тоном, не терпящим возражений, и, не дожидаясь моего ответа, развернулся и зашагал прочь, растворяясь в толпе так же быстро, как и появился.

Я осталась стоять у окна, чувствуя себя совершенно опустошенной. Моя ладонь все еще помнила жар его груди и сильный, ритмичный стук его сердца. Я смотрела на его широкую спину, на то, как перед ним снова расступаются люди, как он уверенно и властно возвращается в свой холодный мир цифр и власти.

«Я беру то, что хочу», — эхом звучали в моей голове его слова.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как по щеке медленно скатывается одна-единственная горячая слеза. Я обещала себе, что буду сильной. Я обещала себе, что не позволю ему разрушить меня. Я сотни раз клялась, что уйду от него, что перестану отвечать на его звонки, что вырву это чувство из своей груди с корнем. Но стоя здесь, в этом чужом, роскошном зале, под шум проливного дождя, я с ужасающей ясностью осознала свою самую страшную тайну.

Я буду ждать его.

Я буду ждать его через полчаса, через день, через неделю. Я буду соглашаться на те крохи внимания и страсти, которые он готов был мне бросить, потому что даже эта малая часть его была для меня важнее, чем весь остальной мир. Я попала в ловушку собственной любви к человеку, чье сердце было заковано в броню. И самое страшное заключалось в том, что я сама, добровольно, отдала ему ключ от своей души, прекрасно понимая, что однажды он может просто выбросить его за ненадобностью.

Гроза за окном только усиливалась. Вспышка молнии на мгновение осветила зал мертвенно-бледным светом, отразившись в десятках хрустальных зеркал. Я поднесла бокал к губам и сделала глоток шампанского. Оно оказалось теплым и безвкусным. Мой взгляд снова скользнул по залу, безошибочно находя его фигуру. Антонио стоял ко мне спиной, слушая седого мужчину в очках, но вдруг, словно подчиняясь какому-то необъяснимому инстинкту, он чуть повернул голову, и через весь зал, поверх голов сотен людей, на секунду снова поймал мой взгляд.

В этом коротком зрительном контакте не было холода. В нем было что-то темное, голодное и отчаянное. Что-то, что давало мне слабую, глупую надежду на то, что за его железной стеной все-таки бьется живое сердце. И этой надежды было достаточно, чтобы я сделала еще один шаг навстречу собственной гибели.

ГЛАВА 2. Приглашение в бездну:

Эти полчаса ожидания растянулись для меня в бесконечную, мучительную вечность, где каждая секунда отдавалась гулким эхом в висках. Я стояла у того же окна, наблюдая, как ярость осенней грозы за толстым стеклом постепенно превращается в методичный, холодный и безжалостный ливень. Люди вокруг меня продолжали двигаться, смеяться, заключать многомиллионные сделки и вести пустые светские беседы, но для меня весь этот зал превратился в размытую декорацию, лишенную всякого смысла. Мое тело было здесь, обтянутое прохладным шелком платья, но мое сознание, мои нервы, моя сжавшаяся в комок воля — все это было привязано к нему, к Антонио, невидимой, но невероятно прочной стальной нитью.

Когда он наконец появился в дверях, мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять это. Воздух в зале неуловимо изменился, стал плотнее, наполнился тем самым специфическим электричеством, которое всегда сопровождало его присутствие. Он подошел ко мне неслышным шагом хищника, не произнес ни единого слова, лишь едва заметно кивнул в сторону выхода. В этом властном, лаконичном жесте читалось абсолютное право собственности, право, которое я сама, по собственной слабости, позволила ему над собой установить.

Мы покинули особняк через боковой выход, избегая толпы и назойливых вспышек камер светских хроникеров. Ночная свежесть ударила в лицо, принося с собой запахи мокрого асфальта, озона и прелых осенних листьев. У подножия мраморной лестницы нас уже ждал удлиненный, черный как смоль «Майбах», чьи тонированные стекла скрывали от внешнего мира всё, что происходило внутри. Молчаливый водитель, человек с каменным лицом и выправкой бывшего военного, почтительно открыл передо мной тяжелую дверцу.

Как только мы оказались в салоне, отделенные от водителя звуконепроницаемой перегородкой, мир сузился до размеров этого роскошного, обтянутого черной кожей пространства. Здесь пахло дорогой древесиной, кожей и темным, дурманящим парфюмом Антонио. Звукоизоляция автомобиля была настолько совершенной, что шум проливного дождя превратился в мягкий, гипнотический шелест, создавая иллюзию полной изоляции от реальности. Мы оказались в вакууме, в коконе из темноты и невысказанного напряжения, которое с каждой секундой становилось всё более осязаемым.

Антонио откинулся на спинку сиденья, вытягивая свои длинные ноги, и ослабил узел своего безупречного шелкового галстука. Этот простой, казалось бы, бытовой жест в его исполнении выглядел как сбрасывание брони, как обнажение первобытной, животной сути, которую он так тщательно скрывал от общества. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, и мой взгляд, помимо моей воли, метнулся к сильной линии его шеи, к бьющейся под загорелой кожей жилке.

Он не смотрел на меня. Его профиль, освещаемый редкими вспышками проносящихся мимо уличных фонарей, казался высеченным из темного мрамора — холодным, совершенным и абсолютно недосягаемым. Но я чувствовала исходящий от него жар, тяжелую, пульсирующую ауру подавленного желания. Тишина между нами не была успокаивающей, она была натянутой, как струна, готовая лопнуть в любую секунду от малейшего прикосновения.

Внезапно, не поворачивая головы, он протянул руку в темноте. Его большая, горячая ладонь опустилась на мое обнаженное колено, чуть выше того места, где заканчивался разрез моего синего платья. От этого контраста — обжигающего жара его кожи и прохлады шелка — по моему телу прокатилась мощная электрическая волна, заставившая меня резко, судорожно вдохнуть. Его пальцы медленно, почти лениво сжались на моем бедре, пальцы властного собственника, уверенного в своей безграничной власти. Этот жест не был нежным; в нем скво-

зила грубая, голодная потребность, откровенное обещание того, что произойдет за закрытыми дверями его дома.

Я закрыла глаза, проклиная себя за то, как мгновенно, как отчаянно мое тело отозвалось на его прикосновение. Внизу живота разлилось тяжелое, тягучее тепло, превращаясь в влажную пульсацию, в первобытный инстинкт, подавляющий голос рассудка. Я хотела сопротивляться, хотела сохранить хотя бы крупицу гордости, но его большой палец начал медленно, методично поглаживать внутреннюю сторону моего бедра, поднимаясь на миллиметр выше с каждым ударом моего колотящегося сердца. Каждый его жест разрушал мои внутренние баррикады, превращая мою решимость в пепел.

Мы приехали к его пентхаусу, возвышающемуся над городом стеклянной крепостью, в абсолютном молчании. Лишь когда тяжелые дубовые двери его резиденции бесшумно закрылись за нашими спинами, отсекая нас от внешнего мира, тишина взорвалась.

Антонио даже не стал включать свет. Лишь тусклое, холодное свечение ночного мегаполиса проникало сквозь панорамные окна, рисуя на полу длинные, искаженные тени. Он не дал мне времени снять туфли, не дал времени даже сделать вдох. Сбросив свой пиджак прямо на мраморный пол прихожей, он шагнул ко мне, схватил за талию обеими руками и одним мощным, непререкаемым движением впечатал мою спину в стену.

Воздух со свистом вырвался из моих легких. Я инстинктивно вскинула руки, упершись ладонями в его твердую, как скала, грудь. Под моими пальцами бешено колотилось его сердце — единственное доказательство того, что он живой человек, а не бесчувственная машина.

— Антонио... — выдохнула я, и мое имя в его присутствии всегда звучало как мольба.

Он не ответил. Его рот обрушился на мои губы с сокрушительной, почти жестокой жадностью. Это не был поцелуй влюбленного, это был акт захвата, поглощения, отчаянная попытка утолить жажду, которая мучила его весь этот проклятый вечер. Его язык грубо, властно вторгся в мой рот, сминая любое сопротивление, подчиняя мой ритм своему. Вкус его слюны, терпкий привкус выпитого им виски и темная, животная страсть мгновенно опьянили меня сильнее, чем любой алкоголь.

Я застонала в его губы, мои пальцы судорожно зарылись в его густые, жесткие волосы. В этот момент я ненавидела его за то, что он делает со мной, за то, как легко он превращает меня в покорную, дрожащую от желания марионетку, но еще больше я ненавидела себя за то, что до безумия, до физической боли обожала это подчинение.

Его руки блуждали по моему телу с бесцеремонной уверенностью хозяина. Одна рука скользнула по моей спине, сминая дорогой шелк платья, а затем, найдя скрытую молнию, резким движением потянула ее вниз. Звук расходящейся ткани в ночной тишине прозвучал как выстрел. Тонкие бретельки соскользнули с моих плеч, и платье безвольной синей лужей упало к моим ногам, оставив меня лишь в прозрачном, черном кружевном белье.

Антонио разорвал поцелуй, чтобы сделать судорожный вдох. Его грудь тяжело вздымалась, темные глаза, в которых сейчас не было ничего человеческого, лихорадочно скользили по моей обнаженной, дрожащей от холода и возбуждения коже. Этот взгляд был настолько осязаемым, настолько плотным, что казался физическим прикосновением, оставляющим после себя невидимые ожоги.

— Ты сводишь меня с ума, маленькая ведьма, — прохрипел он над самым моим ухом. Его горячее дыхание обожгло нежную кожу шеи. — Я смотрел на тебя там, в зале, и думал только о том, как разорву это чертово платье и возьму тебя прямо на подоконнике, на глазах у всех этих лицемеров.

Слова, слетавшие с его губ, были грязными, откровенными, порочными, но именно они заводили меня до состояния абсолютного исступления. Это был единственный момент, когда Антонио сбрасывал свою ледяную маску, когда его первобытные инстинкты брали верх над расчетливым разумом.

Его губы прижались к моей шее, зубы слегка прикусили пульсирующую вену, вызывая у меня сдавленный, хриплый вскрик. В то же время его большая, грубая ладонь скользнула вниз по моему животу, сминая тонкое кружево трусиков. Я инстинктивно раздвинула ноги, предлагая себя, умоляя его продолжить. Мое тело было влажным, горячим, изнемогающим от пустоты, которую мог заполнить только он.

Антонио не стал церемониться с застежками. Он просто с силой оттянул в сторону узкую полоску кружева, освобождая себе доступ. Его длинные, сильные пальцы без колебаний погрузились в мою горячую, истекающую соками влагу. Я вскрикнула, откинув голову назад и ударившись затылком о стену. Ощущение его пальцев, грубо, но невероятно точно и ритмично проникающих в мое лоно, растягивающих и массирующих самую чувствительную плоть, было настолько ошеломляющим, что перед моими глазами вспыхнули белые искры.

— Ты такая мокрая, Элиза, — его голос стал совсем низким, вибрирующим, пропитанным темной похотью. — Такая отзывчивая. Только для меня.

Большим пальцем он нашел набухший, пульсирующий эпицентр моего наслаждения и начал властно, жестко растирать его, в то время как два других пальца глубоко, в такт моим сбившимся вздохам, входили и выходили из моего естества. Я задыхалась, мои ногти впивались в его широкие плечи, оставляя на них глубокие полумесяцы-следы. Волна оргазма начала стремительно собираться внизу живота, закручиваясь тугой, невыносимо горячей спиралью.

— Антонио... пожалуйста... — умоляла я, не узнавая собственного сорванного голоса. Я не хотела просто его пальцев. Я хотела чувствовать его всего, его тяжесть, его силу внутри себя.

Он услышал мою мольбу, но интерпретировал ее по-своему. Резко вытащив пальцы, отчего я издала жалобный стон разочарования, он отступил на шаг. Раздался звук расстегиваемой пряжки ремня, затем резкий лязг молнии на его брюках. В полумраке я видела его напряженную, звериную грацию, видела его внушительную, пугающую твердость, готовую разорвать меня на части.

Он не стал переносить меня на кровать. Для него это было слишком долго, слишком цивилизованно. Он снова шагнул ко мне, обхватил мои бедра своими огромными ручищами и одним рывком оторвал меня от пола. Я рефлекторно обхватила его торс ногами, прижимаясь к его каменному животу.

— Смотри на меня, — приказал он хрипло, и я послушно открыла затуманенные страстью глаза.

В ту же секунду он подался вперед и одним мощным, безжалостным толчком вошел в меня до самого конца.

Я вскрикнула — от резкой, разрывающей боли, которая мгновенно сменилась таким же пронзительным, ослепительным наслаждением. Он был слишком большим, слишком твердым, он заполнил меня так глубоко, что мне показалось, будто он достал до самой моей души. Я задохнулась от полноты ощущений, запрокинув голову, ловя ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

Антонио замер на несколько секунд, тяжело, прерывисто дыша, позволяя моему телу привыкнуть к его размеру, обволочь его пульсирующую плоть. Его пальцы безжалостно впивались в мои ягодицы, удерживая меня на весу.

А затем он начал двигаться.

Сначала медленно, тягуче, выходя почти полностью и снова погружаясь в мою влажную тесноту с глухим, влажным звуком. Каждый его толчок отдавался вибрацией в каждом моем нерве. Стенки моего лона судорожно сжимались вокруг его твердости, умоляя о большем, о более быстром темпе. И он дал мне это.

Темп нарастал, становясь диким, необузданным, яростным. Антонио вколачивался в меня с сокрушительной силой, наши тела сталкивались в темноте, звук шлепков плоти о плоть эхом разносился по холодной, пустой прихожей. Я кричала, уже не стесняясь, мои крики сме-

шивались с его низким, рычащим дыханием. Я царапала его спину, кусала его плечи, полностью отдаваясь животной, первобытной стихии, которая сметала всё на своем пути.

В этом безумии, в этой потной, стонущей темноте была страшная, разрушительная красота. Я отдавала ему всё — свою страсть, свою нежность, свою беззащитность. Я раскрывалась перед ним полностью, надеясь, что через это физическое слияние я смогу достучаться до его сердца, смогу пробиться сквозь ту ледяную корку, которой он себя окружил.

— Антонио! — вскрикнула я, чувствуя, как внутри меня взрывается сверхновая. Экстаз ударил по моим нервам миллионами раскаленных игл. Мое тело выгнулось дугой в его руках, внутренние мышцы начали судорожно, ритмично пульсировать, досуха выжимая его плоть. Я кончала с такой силой, с такой сокрушительной болью и радостью, что из моих глаз хлынули слезы.

Мой оргазм стал для него катализатором. Антонио издал низкий, утробный рык, похожий на крик раненого зверя. Он сделал несколько последних, самых глубоких, разрывающих толчков, вжимая меня в стену с такой силой, что я боялась, что мои кости треснут. Его тело напряглось, превратившись в стальной монолит, и он излился в меня горячей, пульсирующей лавиной.

В этот момент, в момент своего абсолютного уязвимого торжества, он сделал то, что делал всегда. Он спрятал лицо. Он уткнулся лбом в изгиб моей шеи, зарывшись носом в мои растрепанные волосы, скрывая свои глаза от моего взгляда. Он прятал от меня то единственное мгновение, когда не мог контролировать себя, когда его душа, возможно, на долю секунды становилась видна.

Мы стояли так, прижавшись друг к другу, тяжело дыша в тишине огромной квартиры. Мое сердце билось в унисон с его сердцем. Физически мы были единым целым, слиты воедино потом, жидкостями и утихающей страстью. Но пока его горячее дыхание обжигало мою кожу, я с отчаянием понимала, что эта близость — лишь иллюзия.

Когда дыхание Антонио выровнялось, он медленно, почти неохотно высвободился из моих объятий и опустил меня на пол. Мои ноги дрожали так сильно, что мне пришлось опереться о стену, чтобы не упасть. Воздух между нами мгновенно остыл.

Он молча застегнул брюки, отвернувшись от меня. В его движениях снова появилась та расчетливая, отстраненная точность. Зверь насытился, хищник вернулся в свою клетку, а передо мной снова стоял холодный, неприступный Антонио — человек, который взял мое тело, но оставил мою душу корчиться от голода на холодном мраморном полу.

Я посмотрела на свое измятое, брошенное на пол синее платье, и горькое осознание собственной жалкой роли захлестнуло меня с головой. Он хотел только этого. Только слепой страсти и физической разрядки. А я... я всё еще надеялась найти на дне его черных глаз хотя бы каплю любви.

ГЛАВА 3. Золотая клетка «Зенита»

Утро ворвалось в пентхаус не ласковым лучом солнца, а тяжелой, свинцовой меланхолией. Дождь, всю ночь яростно бившийся о панорамные окна, к рассвету обессилел, превратившись в мелкую, непрерывно моросящую пыль, которая укутывала город в саван непроницаемого серого тумана. Я открыла глаза, чувствуя, как реальность медленно, словно ледяная вода, заполняет сознание.

Огромная кровать, застеленная прохладным шелком цвета графита, казалась бескрайним, замерзшим озером, на котором я осталась совершенно одна. Правая половина постели была безупречно ровной, нетронутой, словно никто и не делил со мной это пространство. Я протянула руку, касаясь гладкой ткани. Она была холодной. Антонио встал давно, исчезнув из этой комнаты беззвучно, как исчезают призраки, не оставив после себя ничего, кроме едва уло-

вимого, фантомного аромата терпкого табака, сандала и той сокрушительной пустоты, которая всегда наступала после его ухода.

Я перевернулась на спину, глядя в высокий потолок, расчерченный строгими геометрическими линиями скрытой подсветки. Мое тело саднило. Каждая мышца, каждый изгиб хранили память о вчерашней безудержной, почти первобытной страсти, которая разорвала тишину прихожей. Но теперь, при тусклом свете пасмурного утра, эта память не согревала, а лишь подчеркивала глубину моего одиночества. Ночная магия, заставлявшая меня верить в свою исключительность, рассеялась. Я снова была просто Элизой. Двадцатиоднолетней девушкой, потерявшейся в лабиринте чужой, безжалостной жизни.

Медленно спустив ноги на ледяной мраморный пол, я поежилась. Пространство спальни, выдержанное в минималистичном, мужском стиле, давило своей идеальной чистотой. Здесь не было места случайным вещам, не было места слабости или сентиментальности. Этот дом был точным отражением самого Антонио — дорогой, красивый, прозрачный снаружи, но абсолютно неприступный внутри.

На спинке кресла из темной кожи висела его белая рубашка. Я потянулась к ней, накинула на плечи, кутаясь в плотный египетский хлопок, который все еще хранил тепло его тела. Рубашка была мне велика, она спускалась до середины бедра, превращаясь в своеобразную броню. Мне казалось, что, надев его вещь, я смогу удержать хотя бы малую часть того единения, которое мы делили ночью. Какая наивная, глупая иллюзия.

Я вышла из спальни, ступая бесшумно, как тень. Пентхаус казался вымершим. В воздухе висел тонкий, горьковатый аромат свежесваренного эспрессо. Я шла по длинному коридору-галерее, стены которого украшали оригиналы современных мастеров. Мой взгляд невольно остановился на одном из полотен — масштабной абстракции, где на угольно-черном фоне пульсировал единственный, глубокий багровый разрез. Картина кричала о скрытой жестокости, о подавленной ярости и боли. Я часто задавалась вопросом, почему Антонио купил именно ее. Видел ли он в этом полотне отражение своей собственной искалеченной души, или для него это была просто выгодная инвестиция? Я не знала. Я вообще ничего о нем не знала, кроме того, что он позволял мне видеть.

Приблизившись к гостиной, я услышала его голос.

Он доносился с открытой террасы. Звук был приглушенным, но в утренней тишине каждое слово звучало с пугающей отчетливостью. Антонио говорил по-итальянски. Я замерла, спрятавшись за углом, инстинктивно вжимаясь в прохладную стену, словно воровка, застигнутая на месте преступления.

Его голос звучал иначе. В нем не было той металлической, командной резкости, к которой я привыкла. Не было и той темной, вибрирующей похоти, которой он обжигал меня ночью. Это был мягкий, глубокий, почти обволакивающий баритон. Тон человека, который говорит с кем-то бесконечно близким и дорогим.

— *Certo, cara...* — произнес он, и это слово ударило меня под дых с такой силой, что я едва не задохнулась. *Cara*. Дорогая. — *Non preoccuparti. Sarò lì presto.* (Конечно, дорогая... Не волнуйся. Я скоро буду).

Мое сердце остановилось, а затем сорвалось в бешеный, рваный ритм. Горло сдавило невидимой ледяной рукой. Ревность, темная, удушливая и ослепительная, мгновенно затопила мое сознание, обжигая легкие ядовитым кислотой. Кто она? Жена, которую он скрывает? Любовница из того, другого мира, к которому он принадлежит по праву рождения? Женщина, которую он любит, пока использует меня для того, чтобы сбросить напряжение?

Я зажмурилась, впиваясь ногтями в ладони так сильно, что на коже остались глубокие следы-полумесяцы. Моя фантазия рисовала образы зрелой, уверенной в себе красавицы, равной ему по статусу и власти, женщины, которой он дарит не только дорогие отели и украшения, но и свое доверие, свое время, свои настоящие чувства.

Он завершил звонок. Послышался щелчок зажигалки. Я сделала судорожный вдох, пытаясь взять свои эмоции под контроль. Я не имела права на истерику. Я не имела права даже задавать вопросы. Наш негласный договор не подразумевал эксклюзивности, он вообще ничего не подразумевал, кроме того, что я прихожу, когда он зовет.

Нацепив на лицо маску абсолютного, безмятежного спокойствия, я сделала шаг из своего укрытия и вышла на террасу.

Антонио стоял у стеклянного парапета, возвышаясь над городом, как темный бог, безразличный к суете смертных у своих ног. На нем уже был безукоризненный, сшитый на заказ темно-серый костюм-тройка. Ни единой складки, ни малейшего намека на вчерашнюю дикость. Его волосы были идеально уложены, профиль казался высеченным из камня. В правой руке он держал тонкую сигариллу, сизый дым от которой медленно растворялся во влажном воздухе, а в левой — чашку с эспрессо.

Он услышал мои шаги. Медленно, с ленивой грацией хищника, он повернул голову. Его темные глаза скользнули по моей фигуре, укутанной в его рубашку, по моим босым ногам, по растрепанным волосам. В его взгляде не было ни тепла, ни утренней нежности. Лишь холодная, оценивающая констатация факта моего присутствия.

— Доброе утро, Элиза, — произнес он ровно. Тот самый голос, которым он отдавал приказы. Голос, в котором не осталось ни следа от той бархатной мягкости, с которой он только что разговаривал по телефону.

— Доброе утро, — мой голос прозвучал удивительно твердо, хотя внутри у меня всё дрожало от обиды и унижения.

Антонио сделал затяжку, выпустив струйку дыма, и отвернулся обратно к городу.

— Кофе на столе. Тебе нужно одеваться. Мой водитель отвезет тебя домой через сорок минут.

Это было увольнение. Жесткое, сухое, не терпящее возражений увольнение. Иллюзия близости, возникшая в темноте, развеялась окончательно, оставив после себя лишь горький привкус пепла.

Я молча подошла к небольшому круглому столику из черного стекла, на котором действительно стоял серебряный кофейник и изящная фарфоровая чашка. Рядом лежала прямоугольная, перевязанная атласной лентой коробка из плотного картона с логотипом одного из самых дорогих бутиков города.

— Что это? — спросила я, глядя на коробку так, словно в ней была бомба.

Антонио даже не обернулся.

— Твое вчерашнее платье безнадежно испорчено. Я не мог позволить, чтобы ты покинула этот дом в таком виде. Это замена.

Мои щеки вспыхнули. Вчера ночью, когда он сорвал с меня это синее платье, порвав молнию и тонкий шелк, это казалось актом безумной страсти. Сегодня, когда он просто купил новое, это выглядело как расчет. Как оплата счета за нанесенный ущерб. Он не хотел, чтобы я выходила из его пентхауса растрепанной и помятой, потому что это могло бы бросить тень на его репутацию, если бы нас кто-то увидел. Я была для него куклой, которую он сначала сломал в порыве гнева и похоти, а затем просто заменил ей деталь, чтобы она снова выглядела презентабельно.

— Спасибо, — сухо ответила я. Одно короткое слово потребовало от меня всех моих душевных сил. Я не стала открывать коробку при нем. Я знала, что там будет идеальное платье, идеально подходящее мне по размеру, потому что его помощники работают безупречно.

Я налила себе кофе. Жидкость оказалась черной, густой и невыносимо горькой, как сама моя жизнь в этот момент. Сделав глоток, я облокотилась о стеклянный парапет в нескольких метрах от него. Ветер трепал полы моей — его — рубашки, пробирая до костей, но я не уходила. Я хотела посмотреть на него еще немного. Я занималась изощренным мазохизмом, впи-

тывая каждую деталь его лица, чтобы потом, в пустой квартире, питаться этими воспоминаниями.

— Я улетаю сегодня вечером, — внезапно нарушил тишину Антонио. Он затушил сигариллу в массивной хрустальной пепельнице. Его движения были механическими, отработанными. — Деловая поездка. Европа. Меня не будет две недели.

Две недели. Четырнадцать дней абсолютного вакуума. Четырнадцать дней, в течение которых он будет там, с той самой «cara», чей голос звучал в его телефоне, а я буду сходить с ума в своей маленькой съемной квартире, проверяя телефон каждую минуту в надежде на короткое сообщение, которого не будет.

— Удачной поездки, — мой голос не дрогнул. Я гордилась собой в эту секунду. Я стояла перед ним, разбитая, раздавленная изнутри, но внешне я оставалась спокойной, холодной и отстраненной. Я играла по его правилам.

Антонио наконец посмотрел на меня прямо. В его глазах мелькнула тень подозрения, словно он пытался прочитать мои мысли, словно он ожидал, что я начну расспрашивать его, умолять остаться или просить взять меня с собой. Но я молчала. Мой взгляд был таким же пустым, как и его.

Между нами повисла тяжелая, густая пауза, наполненная невысказанными словами, подавленными эмоциями и ложью, которой мы оба окружили себя. Мы стояли на этой террасе, разделенные всего несколькими метрами пространства, но между нами простиралась настоящая пропасть, сотканная из его тайн и моего страха эти тайны узнать.

Внезапно Антонио шагнул ко мне. Он двигался быстро, и я инстинктивно вжалась в стекло парапета. Он остановился вплотную, возвышаясь надо мной, подавляя своим авторитетом. Его рука поднялась, длинные пальцы легли на мою шею, большой палец мягко, почти гипнотически погладил пульсирующую вену под челюстью.

— Будь хорошей девочкой, Элиза, — его голос стал низким, вибрирующим, проникающим под кожу. Это не была нежность. Это было предупреждение собственника, оставляющего свою игрушку на долгое время. — Пока меня не будет.

Он не поцеловал меня. Он просто смотрел в мои глаза, заставляя меня утонуть в этой черной бездне, а затем медленно убрал руку, развернулся и ушел обратно в пентхаус, оставив меня одну на пронизывающем осеннем ветру.

Я стояла неподвижно, пока звук его шагов не затих. Затем я посмотрела на чашку с кофе в своей руке. Мои пальцы дрожали. Ревность, которую я так отчаянно пыталась подавить, теперь вырвалась наружу, сжимая мое сердце стальными тисками. Я ненавидела ту женщину на другом конце провода. Но еще больше я ненавидела себя за то, что позволила себе поверить, будто могу значить для него больше, чем просто тело для удовлетворения его ночных демонов.

Сменив рубашку Антонио на безупречное, закрытое платье из тонкой серой шерсти, лежавшее в коробке, я посмотрела на себя в огромное зеркало прихожей. Платье сидело идеально. Оно было элегантным, строгим и совершенно безликим. Оно превращало меня в ту, кем он хотел меня видеть — в удобную, красивую картинку, не доставляющую проблем.

Я спустилась вниз на скоростном лифте из стекла и стали. С каждым этажом я чувствовала, как невидимая цепь, связывающая меня с Антонио, натягивается все сильнее, причиняя почти физическую боль. Я вышла на серую, залитую дождем улицу, где меня уже ждала черная машина.

Садясь на заднее сиденье, я дала себе клятву. Клятву, которую, как я знала в глубине души, я нарушу, как только на экране моего телефона высветится его имя. Но сейчас, в этот холодный утренний час, отравленная ядом первого, по-настоящему глубокого разочарования, я пообещала себе, что научусь защищаться. Что я больше никогда не позволю ему видеть мои слезы. Что я выстрою вокруг своего сердца такую же непробиваемую стену, как и та, за которой прячется он.

Машина тронулась, увозя меня прочь от стеклянной башни, в которой осталась моя душа. Начинался новый этап этой изощренной пытки. Этап, где иллюзии умирают, уступая место горькой, холодной правде.

ГЛАВА 4. Договор с Дьяволом:

Тишина имеет свой собственный вес. До того как Антонио улетел, я наивно полагала, что одиночество — это просто отсутствие звуков, пустое пространство, которое можно заполнить музыкой, чтением или работой. Но в те первые дни его отсутствия я с пугающей ясностью осознала, что настоящая тишина материальна. Она вязкая, как смола, тяжелая, как свинцовый купол, опускающийся на плечи. Она заползала в мою маленькую квартиру на окраине города, пропитывала старые обои, оседала серой пылью на корешках книг и медленно, методично выдавливала из комнаты весь кислород.

Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Это время превратилось для меня в изощренную психологическую пытку, в которой я сама выступала в роли своего главного палача.

Моя квартира, которую я всегда считала своим безопасным убежищем, уютным коконом, внезапно стала казаться мне крошечной и убогой. Контраст между моим миром и тем, где обитал он, резал глаза. Скрипящие половицы, старый выцветший ковер, дешевая керамическая чашка, из которой я пила утренний чай, — всё это кричало о моей незначительности. Я сидела на подоконнике, подтянув колени к подбородку, и часами смотрела на мокрую от ноябрьских дождей улицу. В отражении стекла я видела не ту загадочную девушку в темном шелке, которая привлекала внимание властелина чужих судеб, а бледную, измученную бессонницей тень с потухшим взглядом.

Мой телефон лежал на столе, превратившись в некий зловещий алтарь, центр моей персональной вселенной. Я поклялась себе, что не притронусь к нему. Я обещала своей уязвленной гордости, что не стану проверять экран каждую минуту, не буду искать его имя в новостных лентах, не позволю этому одержимому ожиданию разрушить остатки моего самоуважения. Но клятвы, данные в состоянии любовной лихорадки, не стоят и ломаного гроша. Стоило экрану вспыхнуть от случайного уведомления, как мое сердце совершало болезненный кульбит, ударяясь о ребра так сильно, что перехватывало дыхание. Но это всегда была лишь спам-рассылка, письмо от арендодателя или сообщение от редких знакомых. От него — ничего. Ни единого слова.

Антонио ушел, оставив меня в полном информационном вакууме, и в этой пустоте расцвели мои самые мрачные, самые ядовитые фантазии.

Слово *«cara»* преследовало меня, как проклятие. Оно звучало в моей голове его глубоким, бархатным баритоном, резонируя в каждом нервном окончании. Дорогая. Кто она? Мое воображение, подпитываемое ревностью и чувством собственной неполноценности, рисовало безупречные, пугающе реалистичные картины. Я видела ее ясно, словно стояла рядом: статная, зрелая женщина с аристократическими чертами лица, с холодным, уверенным взглядом, одетая в кашемир и неброские, но баснословно дорогие бриллианты. Женщина, которая умеет вести светские беседы на трех языках, которая знает толк в коллекционном вине и которая принадлежит к его касте по праву рождения.

Она наверняка не дрожит от одного его прикосновения. Она не краснеет от его двусмысленных фраз. И, самое главное, она не ждет его звонка в дешевой квартире, потому что он сам звонит ей. Потому что она для него — равная, партнер, часть его сложной, многоуровневой жизни, в то время как я — лишь секрет, мимолетная слабость, грязная тайна, запертая за толстыми дверями пентхауса. Эта мысль разъедала меня изнутри, как кислота, превращая мою любовь в горькую, отравленную смесь из отчаяния и ненависти к самой себе.

Чтобы не сойти с ума от этих мыслей, я с головой ушла в работу. Днем я пряталась в полуподвальном помещении старой антикварной книжной лавки, где располагалась мастерская по реставрации. Это было единственное место в городе, где время подчинялось иным законам. Воздух здесь всегда был пропитан густым, терпким ароматом старой бумаги, кожаных переплетов, костного клея и пчелиного воска. Здесь не было места спешке, современным технологиям или жестокости внешнего мира. Здесь правили бал терпение, тишина и уважение к прошлому.

На моем рабочем столе под светом мощной бестеневой лампы лежал томик французской поэзии конца девятнадцатого века. Его корешок был безнадежно сломан, страницы покрылись желтыми пятнами времени, а золотое тиснение почти полностью стерлось. Эта книга была похожа на меня — сломанная, поблекшая, отчаянно нуждающаяся в том, чтобы кто-то заботливый собрал ее по кусочкам.

Я работала медленно, погружаясь в медитативный транс. Мои пальцы, вооруженные тонким хирургическим скальпелем и костяным стеком, бережно отделяли ветхие страницы от разрушенного блока. Я проклеивала каждый надрыв тончайшей японской бумагой, наносила рисовый клейстер легкими, почти невесомыми движениями. В эти часы физического, кропотливого труда я пыталась склеить и свою собственную разрушенную волю.

Я убеждала себя в том, что моя привязанность к Антонио — это лишь временное помутнение рассудка, химическая реакция организма на опасность и власть. Я философски рассуждала о том, что настоящая любовь не может быть построена на страхе и подчинении. Любовь должна возвышать, дарить чувство безопасности, а не заставлять тебя балансировать на краю бездны, каждую секунду ожидая падения. Я выстраивала в уме сложные логические конструкции, доказывая себе, что наши отношения обречены, что они губительны, что я должна закончить всё это в тот самый момент, когда он вернется. Я должна сказать ему «нет».

Но стоило мне закрыть глаза, как логика разбивалась вдребезги о физиологическую память моего тела.

Мои руки помнили жар его кожи. Мои губы помнили вкус его поцелуев — вкус виски, табака и темной, необузданной страсти. Стоило мне отвлечься от работы на секунду, как воспоминания о той ночи в прихожей накрывали меня удушливой волной. Я помнила звук рвущегося шелка, первобытную силу его толчков, его низкий, утробный рык в момент оргазма. И от этих воспоминаний внизу живота мгновенно стягивался тугой, пульсирующий узел, а дыхание становилось рваным. Мое тело предавало меня. Оно больше не принадлежало мне, оно было перепрограммировано им, настроено на его ритм, на его запах, на его грубость, которая странным образом стала для меня слаще любой нежности.

К концу первой недели осень окончательно сдала свои позиции. Золотые и багровые листья, еще недавно украшавшие город, превратились в гниющую коричневую кашицу под ногами прохожих. Температура резко упала, небо затянуло глухой, сплошной пеленой мышиного цвета. Ветер стал злым, пронизывающим, несущим с собой предчувствие первых заморозков.

На десятый день я сломалась.

Это произошло вечером, когда я возвращалась домой из мастерской. Я зашла в небольшой супермаркет, чтобы купить что-нибудь на ужин. Бродя между рядами с совершенно пустым взглядом, я машинально бросала в корзину какие-то продукты. Мой взгляд случайно упал на стеклянную витрину с алкоголем. Там, на верхней полке, стояла бутылка точно такого же виски, какой пил Антонио на том благотворительном вечере. Односолодовый скотч с темной, лаконичной этикеткой.

Я остановилась, как вкопанная. Воспоминание обрушилось на меня с такой кинематографической яркостью, что я физически ощутила запах этого вечера, услышала приглушенные звуки джаза и почувствовала его тяжелый, обжигающий взгляд поверх голов толпы. *«Ты*

выглядишь… как ночное небо». Его голос, низкий, с хрипотцой, зазвучал в моей голове так отчетливо, словно он стоял у меня за спиной.

Слезы брызнули из моих глаз совершенно внезапно, без всякого предупреждения. Я стояла посреди ярко освещенного магазина, сжимая в руках корзину с дешевыми макаронами и овощами, и плакала от бессилия, от глупой, иррациональной тоски по человеку, который никогда мне не принадлежал. Люди проходили мимо, бросая на меня удивленные или сочувствующие взгляды, а я не могла остановиться. Я бросила корзину прямо на пол и выбежала на улицу, глотая ледяной ноябрьский воздух, который царапал горло наждачной бумагой.

Я бежала до самой квартиры, не замечая ничего вокруг. Захлопнув за собой дверь, я сползла по стене на пол, уткнувшись лицом в колени, и позволила себе рыдать в голос. Я оплакивала не только его отсутствие. Я оплакивала потерю самой себя. Я понимала, что та Элиза, которая жила до встречи с ним — независимая, спокойная, любящая старые книги и тишину, — безвозвратно исчезла. На ее месте осталась лишь эта изломанная, зависимая женщина, готовая пожертвовать своей гордостью ради одного его благосклонного кивка.

В ту ночь я спала в его белой рубашке. Той самой, которую забрала из пентхауса. За эти две недели запах его парфюма почти выветрился с ткани, но я всё равно зарывалась лицом в воротник, отчаянно пытаясь уловить хотя бы слабую тень его присутствия. Это было жалкое, унизительное зрелище, и я ненавидела себя за это, но ничего не могла с собой поделать.

Наступил четырнадцатый день. Последний день его заявленного отсутствия.

С самого утра природа словно решила подыграть моему внутреннему оцепенению. Ночью ударил первый сильный мороз, сковавший лужи льдом и покрывший деревья тонким, хрупким слоем инея. Город застыл в хрустальной неподвижности. Воздух был прозрачным и звенящим, как стекло.

Я не пошла на работу. Я привела квартиру в идеальный порядок, хотя прекрасно понимала, что он никогда не переступит порог этого дома. Его ноги в туфлях из кожи ручной выделки не ступят на мой потертый ковер. Я приняла долгий, горячий душ, методично смывая с себя остатки слабости и отчаяния последних недель. Я уложила волосы, сделала легкий макияж, надев закрытое шерстяное платье. Я готовилась к битве. Я выстраивала свою внутреннюю крепость, возводила стены из льда и равнодушия. Если он позвонит сегодня, я не отвечу сразу. Если он позовет, я скажу, что занята. Я должна была вернуть контроль над своей жизнью. Я должна была показать ему, что я не вещь, которую можно оставить на полке на две недели, а потом просто взять, когда появится настроение.

Вечер опустился на город рано. За окном зажглись желтые пятна фонарей, выхватывая из темноты первые редкие снежинки, которые начали медленно кружиться в воздухе. Зима вступала в свои права, холодная, безразличная ко всему человеческому.

Я сидела в кресле с книгой, не читая, а лишь глядя на строчки, которые сливались в сплошную черную полосу. Часы на стене методично отмеряли время: тик-так, тик-так. Восемь вечера. Девять. Десять.

Телефон молчал.

Каждый час ожидания был ударом кувалды по моей свежевыстроенной ледяной стене. Моя решимость таяла, сменяясь паникой. А что, если он вообще не позвонит? Что, если эти две недели в Европе изменили его планы? Что, если та, другая женщина, чье имя «cara», убедила его остаться? Что, если я стала для него пройденным этапом, скучной игрушкой, которую он решил молча оставить в прошлом, даже не удостоив прощанием?

В половине двенадцатого ночи, когда тишина стала невыносимой, я закрыла книгу и отложила ее на стол. Внутри меня всё выгорело. Не осталось ни злости, ни ревности, ни надежды. Только серая, глухая пустота. Я признала свое поражение. Я поняла, что все мои стратегии защиты — ничто перед лицом его абсолютной власти надо мной. Я бы отдала всё, что у меня было, лишь бы сейчас услышать его голос.

Я потянулась к выключателю, чтобы погасить лампу и уйти спать, когда экран телефона внезапно ожил, разрезав полумрак комнаты резким, ослепительно белым светом.

Короткая вибрация прозвучала в тишине как орудийный выстрел. Моя рука замерла в воздухе. Сердце остановилось на секунду, а затем сорвалось в безумный галоп. Я медленно, словно во сне, протянула руку и взяла аппарат со стола. Мои пальцы дрожали так сильно, что я едва смогла разблокировать экран.

Это был не звонок. И это было сообщение не от него лично.

С неизвестного номера, который, как я догадалась, принадлежал одному из его людей, пришло короткое, сухое текстовое уведомление, лишенное всяких эмоций, приветствий и знаков препинания:

«Машина будет ждать у вашего дома завтра в 20:00. Будьте готовы.»

Три предложения. Одно распоряжение. Никаких вопросов о том, как я провела эти две недели. Никаких сомнений в том, что у меня могут быть свои планы. Это был приказ, не подразумевающий обсуждения. Вызов поданной к своему господину.

Я смотрела на эти светящиеся буквы, и чувствовала, как по моим щекам снова текут слезы, но на этот раз они не обжигали. Внутри меня рушились все те ледяные стены, которые я так старательно возводила последние дни. Вся моя гордость, все мои клятвы, все мои рациональные доводы рассыпались в пыль перед лицом одного простого факта: завтра в восемь вечера я сяду в эту черную машину. Я поеду к нему. И я позволю ему делать со мной всё, что он захочет. Потому что сопротивление было бесполезным.

Я отложила телефон, откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза, сдаваясь на милость победителя, который даже не знал, что вел войну. Завтра всё начнется заново. Завтра я снова посмотрю в его черные, непроницаемые глаза и снова попытаюсь найти в них то, чего там, возможно, никогда не было.

Снег за окном усилился, покрывая город чистым, белым саваном, скрывая под собой грязь, разруху и человеческие слабости. Наступала зима. Моя личная, долгая, холодная зима в объятиях Антонио.

ГЛАВА 5. Глаза, полные пепла:

Перспектива Антонио:

Власть — это не привилегия. Это хроническое, неизлечимое заболевание, которое постепенно атрофирует те участки человеческой души, что отвечают за жалость, сомнения и привязанность. За годы, проведенные на вершине пищевой цепи, я научился воспринимать мир как сложную, многоуровневую шахматную доску, где каждая фигура имеет свою цену, а каждый ход просчитывается на десять шагов вперед. Я привык к абсолютной, стерильной предсказуемости. Но Элиза… Элиза стала той единственной переменной, которую мой безупречно отлаженный математический аппарат отказывался вычислять.

Женева встретила меня пронизывающим ветром с озера Леман и той специфической, удушливой атмосферой старых европейских денег, которая всегда вызывала у меня легкую форму брезгливости. Я сидел в закрытом конференц-зале одного из самых респектабельных швейцарских банков. Пространство было обшито панелями из мореного дуба, возраст которого превышал возраст большинства государств на политической карте мира. Воздух был тяжелым, пропитанным запахом полировки, дорогих сигар и скрытой угрозы. За массивным столом сидели люди, чьи подписи могли обрушить экономику целых регионов.

Они говорили. Говорили долго, монотонно, используя сложные финансовые термины, чтобы скрыть суть: они хотели гарантий. Я смотрел на переносицу главы консорциума — седого, сухого старика с глазами мертвой рептилии — и чувствовал, как внутри меня нарастает глухое, пульсирующее раздражение.

Я должен был быть здесь. Я должен был контролировать каждое их слово, анализировать каждую микромимическую реакцию, искать слабые места в их броне. Но вместо этого, глядя на то, как косые струи холодного швейцарского дождя бьют в пуленепробиваемое стекло окна, я думал о запахе ее волос.

Это было непростительно. Это было проявлением той самой слабости, которую я презирал в других.

Я опустил взгляд на свои руки, спокойно лежащие на столешнице. Идеальный маникюр, тяжелое платиновое кольцо на мизинце, манжеты из безупречного хлопка. Внешне я оставался статуей, безжалостным монолитом, об который разбивались любые попытки давления. Но на кончиках моих пальцев всё еще жила фантомная память о бархатистой, обжигающе горячей коже Элизы. Я помнил, как она дрожала подо мной в той темной прихожей. Я помнил звук рвущегося шелка. Я помнил ее расширенные от боли и невероятного, сокрушительного наслаждения глаза, когда я вошел в нее с той дикой, животной жестокостью, которую никогда не позволял себе ни с одной другой женщиной.

Она вытягивала из меня зверя. Она ломала мои идеальные схемы одним своим присутствием. И именно поэтому, улетая, я был с ней так холоден.

Люди вокруг считали меня бездушным. Они ошибались. У меня была душа, просто я очень давно и очень надежно запер ее в стальной сейф, залил бетоном и сбросил на самое дно Марианской впадины. Мой мир не прощал эмоций. Любая привязанность здесь мгновенно становилась мишенью. Враги не бьют в грудь, они бьют по тем, кто за твоей спиной.

Две недели назад, стоя на террасе своего пентхауса с чашкой эспрессо в руках, я разговаривал с Изабеллой. Моей младшей сестрой. Единственным родным человеком, который у меня остался, и которого я уже много лет прятал в Тоскане, окружив армией телохранителей, чтобы никто и никогда не смог использовать ее против меня. Когда я произнес это нежное, привычное «cara», я услышал за спиной легкий шорох.

Я обернулся и увидел Элизу.

Она стояла там, кутаясь в мою белую рубашку, которая делала ее еще более хрупкой, беззащитной и невыносимо желанной. Ее лицо было бледным, а в глазах плескалась такая концентрированная, ослепительная боль, что у меня на секунду перехватило дыхание. Она услышала. Она сделала выводы. Ее ревность была почти осязаемой, она вибрировала в воздухе, как натянутая струна.

В тот момент инстинкт — древний, человеческий инстинкт — закричал мне: подойди, прикоснись, объясни. Скажи ей, что это сестра. Скажи, что ей нечего бояться.

Но я безжалостно задушил этот порыв.

Оправдываться — значит признавать зависимость. Объяснять свои действия — значит давать ей власть над собой. Я не мог позволить ей поверить, что она значит для меня настолько много, что я готов отчитываться перед ней. Это было бы катастрофой для нас обоих. Если она поймет, как сильно влияет на меня, она попытается приблизиться. А рядом со мной смертельно опасно. Поэтому я надел свою самую непроницаемую маску. Я был сух. Я подарил ей платье взамен разорванного, превратив этот жест из заботы в циничную компенсацию, чтобы оттолкнуть ее. Я видел, как в ее глазах умирала надежда, и каждый удар ее разбивающегося сердца отдавался глухой болью в моей собственной груди.

— Дон Антонио? Вы согласны с нашими условиями?

Голос швейцарского банкира вернул меня в реальность. Я медленно перевел на него взгляд. В переговорной повисла гробовая тишина. Они ждали моего ответа, потея в своих дорогих костюмах.

— Ваши условия неприемлемы, — произнес я ровно, не повышая голоса, но от моего тона температура в комнате словно упала на десять градусов. — Вы забываетесь, господа. Вы не диктуете мне правила. Вы лишь исполняете мою волю за процент, который я считаю нужным

вам оставить. Сделка будет закрыта на моих условиях, либо завтра ваши акции превратятся в мусор. У вас есть два часа на подписание новых документов.

Я встал, даже не дождавшись их реакции, и вышел из зала. Моя охрана безмолвными тенями двинулась следом.

Дни в Европе сливались в бесконечную, серую череду встреч, перелетов, протокольных ужинов и цифр с девятью нулями. Я загрузил себя работой так, чтобы не оставалось времени даже на вдох. Я пытался выжечь образ Элизы из своего сознания каленым железом рутины и власти. Но по ночам, когда я оставался один в роскошных номерах гранд-отелей, броня давала трещину.

Я наливал себе скотч, стоял у окна, глядя на чужие, холодные города, и мое тело предательски реагировало на пустоту. Я хотел ее. Это было не просто физическое вожделение, которое можно было бы легко удовлетворить с любой из тех безупречных, элитных женщин, что всегда крутились в моем окружении. Это был голод совершенно иного порядка. Голод, который не поддавался логике.

Я хотел чувствовать, как она дрожит в моих руках. Хотел видеть, как она сопротивляется, как пытается сохранить гордость, а затем, сломленная собственной страстью, отдается мне без остатка. Я хотел вдыхать запах ее кожи. Меня бесила эта зависимость. Я злился на нее за то, что она пробралась в мою кровь, как медленный, парализующий яд.

На десятый день моей поездки мы заключали сделку в Милане. Вечером партнеры устроили закрытый прием. Залы палаццо были полны красивых женщин. Одна из них, высокая брюнетка с глазами хищницы и безупречной родословной, явно искала моего внимания. Она была умна, раскованна, она понимала правила игры. Когда мы оказались на балконе, она приблизилась ко мне вплотную, ее духи, тяжелые и пряные, ударили мне в нос. Она положила руку с идеальным маникюром на лацкан моего пиджака, ее губы приоткрылись в недвусмысленном приглашении.

Любой другой мужчина на моем месте взял бы то, что ему предлагают. Но я смотрел на нее и чувствовал лишь глухое, ледяное равнодушие. Она была пустой. В ней не было той искрящейся, наивной, отчаянной жизни, которая горела в Элизе. Я аккуратно, но непреклонно убрал ее руку, сухо извинился и покинул прием.

Вернувшись в отель, я впервые за две недели достал свой личный телефон. Тот самый, номер которого знала только она. Экран был пуст. Ни одного звонка. Ни одного сообщения.

Она выдерживала характер. Она пыталась играть со мной в ту же игру, в которую играл я. Эта мысль вызвала у меня мрачную, искаженную усмешку. Моя маленькая, гордая девочка. Она думает, что молчанием сможет защитить себя от меня. Она не понимала, что ее сопротивление лишь разжигает во мне темный, собственнический инстинкт.

На четырнадцатый день мой личный борт приземлился на закрытом терминале родного города. Наступила зима. Взлетная полоса была покрыта тонким слоем льда, ветер метал в лицо острые снежинки. Город встретил меня холодом, к которому я привык.

Мой начальник службы безопасности, Марко, открыл дверцу бронированного внедорожника.

— С возвращением, босс. Куда едем? В центральный офис или домой?

Я сел на заднее сиденье, глядя на серые, угрюмые пейзажи за тонированным стеклом.

— Домой, Марко.

Пентхаус встретил меня абсолютной, стерильной пустотой. Горничные поддерживали здесь идеальный порядок, но дом казался мертвым. Я прошел в спальню, снял пиджак, бросил его на кресло. Взгляд упал на то место, где две недели назад лежала моя белая рубашка, которую она тогда надела. Теперь там не было ничего. Воздух здесь не хранил ее запаха. Дом был очищен от ее присутствия, как и должно было быть.

Я подошел к бару, налил себе чистого виски. Часы показывали семь вечера. Я мог позвонить ей прямо сейчас. Я мог приказать привезти ее ко мне. Мое тело было напряжено до предела, нервы гудели, как высоковольтные провода.

Но я не стал этого делать.

Я должен был вернуть себе полный контроль. Над ситуацией, над ней, а главное — над самим собой. Если я вызову ее в ту же секунду, как вернулся, я покажу ей свою нужду. Я покажу ей, что эти две недели я думал о ней. Я не мог этого допустить. Она должна знать свое место. Она должна понимать, что я распоряжаюсь временем, дистанцией и правилами.

Я заставил себя прожить еще сутки в этом вакууме. Я поехал в офис, провел несколько жестких совещаний, уничтожил двух конкурентов на бирже, подписал смертный приговор одному предателю. Я функционировал как идеальная, смертоносная машина.

Но на следующий вечер, когда за окном стемнело и снег начал падать густыми, тяжелыми хлопьями, я сломался.

Я не звонил ей сам. Я никогда не опускался до того, чтобы просить. Я нажал кнопку интеркома, связываясь со своим водителем, Алессандро.

— Сегодня в восемь вечера будешь по известному адресу. Заберешь синьорину. Привезешь ко мне.

Я даже не назвал ее имени, но Алессандро, который служил мне много лет и умел читать между строк, всё понял без лишних слов.

Затем я взял свой личный телефон и набрал короткий, безликий текст. Я не хотел оставлять цифровых следов своих эмоций, не хотел давать ей пищу для размышлений. Текст должен был звучать как сухой приказ.

«Машина будет ждать у вашего дома завтра в 20:00. Будьте готовы.»

Я нажал кнопку «Отправить» и бросил телефон на стол.

Она приедет. Я знал это так же точно, как то, что завтра взойдет солнце. Я разрушил ее защиту, я заставил ее ждать до состояния полного отчаяния, и теперь она упадет в мои руки, покорная и сломленная. Я убеждал себя, что поступаю так, потому что мне нужна была физическая разрядка, потому что она была удобной.

Но, стоя у огромного окна, глядя на падающий снег и чувствуя, как в груди медленно, впервые за две недели, распускается горячее, темное предвкушение, я поймал свое отражение в стекле. И в этом отражении, на долю секунды, я увидел человека, который лгал самому себе. Человека, который ждал восьми часов вечера с таким отчаянием, словно от этого зависела его жизнь.

ГЛАВА 6. Архитектура страха:

Перспектива Элизы:

Ровно в девятнадцать часов пятьдесят пять минут я стояла у окна своей темной квартиры и смотрела, как к тротуару сквозь густую пелену снегопада бесшумно, словно черный корабль-призрак, подкатывает бронированный внедорожник. Зима вступала в свои права с пугающей жестокостью, обрушивая на город тонны ледяной крошки, но внутри этой идеальной немецкой машины, как я знала, царил искусственный, выверенный до градуса тропический микроклимат.

Мое отражение в оконном стекле казалось мне чужим. На мне было темно-изумрудное платье из плотного, тяжелого бархата, облегающее фигуру, с длинными рукавами и глухим, закрытым воротом. Это была моя броня. Моя жалкая, наивная попытка защититься от того, что должно было произойти. Я выбрала ткань, которая казалась неприступной, цвет, который поглощал свет, и фасон, который не оставлял открытой ни единого миллиметра кожи, кроме кистей рук и лица. Но кого я пыталась обмануть? Антонио не нуждался в моем разрешении, чтобы сорвать любую защиту.

Я спустилась вниз, чувствуя, как с каждым шагом по обшарпанным бетонным ступеням подъезда моя воля, которую я так старательно собирала по крупицам эти долгие четырнадцать дней, рассыпается в прах. Водитель, Алессандро, уже ждал меня у открытой дверцы, стоя под снегопадом без зонта, недвижимый и безэмоциональный, как каменная горгулья.

— Добрый вечер, синьорина, — произнес он своим низким, ровным голосом, в котором не было ни капли осуждения, но от которого мне все равно стало невыносимо стыдно.

— Добрый вечер, — прошептала я, ныряя в спасительное тепло автомобильного салона.

Дорога до стеклянной башни пентхауса прошла в абсолютной, звенящей тишине. Я сидела на заднем сиденье, вдыхая запах дорогой кожи и едва уловимый аромат табака, который, казалось, въелся в саму обшивку. Город за окном превратился в размытое, сюрреалистическое полотно из белых вихрей и желтых пятен фонарей. Мы мчались сквозь метель, отрезая меня от моего привычного мира, увозя в инфернальное, роскошное чистилище, где моим богом и моим дьяволом был один и тот же человек.

Когда бесшумный скоростной лифт доставил меня на последний этаж, мои ладони стали влажными от ледяного пота. Двери разъехались в стороны, и я шагнула в прихожую.

Там никого не было. В прошлый раз он встретил меня здесь, обрушившись с животной, необузданной страстью. Сегодня же пентхаус встретил меня приглушенным светом и густой, обволакивающей тишиной. Единственным источником освещения в огромной гостиной было живое пламя колоссального биокамина, встроенного в стену из черного сланца. Огонь бросал на глянцевые поверхности мебели причудливые, танцующие тени, превращая комнату в пещеру первобытного жреца.

Я сделала несколько неуверенных шагов, утопая каблуками в невероятно густом, белоснежном персидском ковре. И тут я увидела его.

Антонио сидел в глубоком кожаном кресле у камина. На нем не было привычного строгого костюма или галстука. Черный кашемировый свитер с V-образным вырезом облегал его широкие плечи, темные брюки свободно спадали на туфли. В одной руке он держал стакан из граненого хрусталя, на дне которого плескалась янтарная жидкость и медленно таял кубик льда. Он смотрел на огонь, и профиль его лица казался высеченным из темного базальта.

Услышав мои шаги, он не вздрогнул. Он даже не повернул головы. Лишь медленно, с убийственной грацией поднес стакан к губам и сделал глоток.

— Подойди, — его голос, низкий, с характерной бархатистой хрипотцой, разрезал тишину, как скальпель. В нем не было ни агрессии, ни страсти. Только абсолютная, непререкаемая власть.

Мои ноги казались налитыми свинцом, но я повиновалась, подчиняясь невидимому гравитационному полю, которое всегда исходило от этого человека. Я остановилась в двух шагах от его кресла. Жар от камина обдавал мои ноги, но внутри меня бил крупный озноб.

Антонио наконец медленно повернул голову. Его глаза, черные, глубокие и совершенно непроницаемые, скользнули по моему лицу, затем опустились ниже, изучая глухой воротник изумрудного бархата, длинные рукава, плотную ткань. Уголок его губ едва заметно дрогнул в тени ироничной усмешки. Он понял. Он безошибочно прочитал мой наряд как попытку сопротивления, как акт немого бунта. И это его позабавило.

— Ты прячешься, Элиза, — произнес он, отставляя стакан на низкий столик. Звон хрусталя о стекло прозвучал оглушительно громко. — Ты надела на себя этот бархатный панцирь, надеясь, что он спасет тебя от меня. Или от самой себя?

— Я не прячусь, — мой голос предательски дрогнул. Я хотела звучать гордо, но прозвучала жалко. — Я ждала четырнадцать дней.

— И ты здесь. По одному моему слову, — констатировал он безжалостный факт. Он не стал оправдываться. Не стал лгать о том, что был занят. Он констатировал мою зависимость.

Антонио медленно поднялся. Его высокая, массивная фигура нависла надо мной, заслоняя свет камина. Я инстинктивно вскинула голову, чтобы не терять зрительного контакта. Мое сердце колотилось о ребра с такой силой, что мне казалось, он должен слышать этот жалкий, кроличий стук.

Он не стал прижимать меня к стене. Не стал рвать одежду. Сегодня его сценарий был иным. Сегодня он хотел растянуть мою капитуляцию во времени, превратив ее в филигранную, медленную пытку.

Его руки — большие, сильные, с длинными пальцами — легли на мои плечи. Через плотный бархат я почувствовала обжигающий жар его ладоней. Он сделал шаг вперед, вынуждая меня отступить назад, пока мои колени не коснулись края пуфа.

— Сними это, — тихо, но твердо приказал он.

Я замерла, широко распахнув глаза. В прошлый раз он взял всё сам. Сегодня он заставлял меня добровольно разоружиться перед ним. Мои пальцы, дрожа, потянулись к крошечной, скрытой молнии на спине, но они не слушались. Страх, унижение и дикое, неконтролируемое вожделение сковали мои мышцы.

Увидев мою борьбу, Антонио издал тихий, тяжелый вздох. Он убрал мои руки и сам потянулся к застежке на моей спине. Его движения были убийственно медленными. Я слышала каждый щелчок звеньев молнии. Воздух в комнате стал густым, как патока. Когда молния разошлась до самой поясницы, он не стал сдергивать платье. Вместо этого его пальцы скользнули под тяжелую ткань, касаясь моей обнаженной спины. Контраст между прохладным бархатом и горячей шероховатостью его кожи вызвал у меня судорожный вдох.

Он медленно стянул рукава с моих плеч, позволяя платью скользнуть вниз и упасть к моим ногам тяжелой изумрудной лужей. Я осталась стоять перед ним в одном лишь комплекте тончайшего шелкового белья жемчужного цвета.

Я инстинктивно попыталась прикрыть грудь руками, чувствуя себя абсолютно уязвимой под его пронзительным взглядом, но он мягко, но непреклонно перехватил мои запястья одной рукой, опустив их вниз.

— Не смей закрываться от меня, — прошептал он, склоняясь к моему лицу. Его дыхание, пахнущее скотчем и мужской властью, опалило мои губы. — Я хочу видеть, как ты дрожишь.

Его свободная рука скользнула по моей ключице, затем спустилась ниже, очерчивая контур груди поверх тонкого шелка. Его большой палец нашел затвердевший, болезненно чувствительный сосок и с легким нажимом провел по нему. Из моего горла вырвался невольный, сдавленный стон. Мое лоно мгновенно отозвалось горячей, пульсирующей волной, наполняясь тяжелой, сладкой влагой.

Он не целовал меня в губы. Эта близость была бы слишком интимной, слишком равной. Вместо этого он покрыл легкими, влажными поцелуями линию моей челюсти, спускаясь к пульсирующей жилке на шее. Его зубы слегка прикусили кожу, заставив меня выгнуться навстречу его телу.

— На колени, — внезапно скомандовал он.

Команда прозвучала так тихо, что я не сразу осознала смысл сказанного. Но его рука тяжело легла на мой затылок, оказывая непреодолимое давление вниз. Мое лицо вспыхнуло от стыда, но тело, предавшее мой разум, повиновалось. Я медленно, не отрывая взгляда от его лица, опустилась на густой ворс белого ковра, оказавшись у его ног.

Я смотрела снизу вверх на этого темного, недосягаемого мужчину, который возвышался надо мной как монолит. Антонио смотрел на меня сверху вниз, и в его черных глазах горел тот самый голод, который он так успешно скрывал за океаном.

Его пальцы зарылись в мои волосы, слегка оттягивая голову назад.

— Расстегни, — приказал он, глядя мне прямо в глаза.

Мои руки, неконтролируемо дрожа, потянулись к пряжке его ремня. Металл был холодным. Я слышала звук собственного прерывистого дыхания. Когда пряжка поддалась, я расстегнула пуговицу и медленно потянула вниз молнию. Его плоть, тяжелая, обжигающе горячая и пульсирующая от сдерживаемой крови, освободилась, оказавшись прямо перед моим лицом.

Я замерла на секунду, ошеломленная его размером и жаром, который исходил от него. Рука Антонио на моем затылке стала жестче, направляя мое лицо вперед.

— Возьми меня, Элиза, — его голос сорвался на хрип.

Я приоткрыла пересохшие губы и робко коснулась языком бархатистой, напряженной головки. Антонио резко вдохнул сквозь стиснутые зубы, его бедра инстинктивно подались вперед. Этот звук — звук его потери контроля — придал мне смелости. Я открыла рот шире и медленно, вбирая его в себя, приняла его плоть.

Вкус его мужского естества, солоноватый, мускусный и невероятно притягательный, заполнил меня. Я начала двигать головой, сначала неуверенно, затем всё смелее, подстраиваясь под его ритм. Мой язык ласкал, губы плотно сжимались, создавая вакуум, который сводил его с ума. Руки Антонио впились в мои волосы, он больше не контролировал мои движения, он позволил себе отдаться наслаждению.

— *Dio*... — хрипло выдохнул он по-итальянски, его пальцы судорожно сжались. Он начал сам двигать бедрами, проникая в мой рот всё глубже, почти касаясь горла, заставляя меня задыхаться, но я терпела, упиваясь той властью, которую, казалось, я обрела над ним в эти мгновения. Я чувствовала, как натягиваются его мышцы, как напрягается живот под кашемиром свитера.

Но он не собирался отдавать мне контроль надолго. В тот момент, когда его дыхание стало совсем рваным, он резко, без предупреждения, отстранился, вырвавшись из моих губ.

Я разочарованно простонала, подняв на него влажные, затуманенные страстью глаза.

Не говоря ни слова, Антонио подхватил меня под мышки и рывком поднял с ковра. Мои ноги едва держали меня. Он развернул меня спиной к камину, так, чтобы жар пламени обжигал мою кожу, а сам одним движением разорвал тонкий шелк моих трусиков, даже не утруждая себя попытками их снять. Ткань лопнула, освобождая мою набухшую, истекающую соками плоть.

Он опустился на колени передо мной. Теперь наши роли поменялись. Этот могущественный, неприступный человек оказался у моих ног. Его сильные руки развели мои бедра. Я инстинктивно схватилась за его широкие плечи, чтобы не упасть, когда его горячее дыхание коснулось моего самого сокровенного места.

Его язык, властный, шершавый и невероятно точный, нашел пульсирующий центр моего наслаждения. Я вскрикнула, откинув голову назад, не в силах сдержать эмоции. Антонио ласкал меня не нежно, он делал это с животной жадностью, пожирая меня, слизывая мою влагу, как человек, умирающий от жажды в пустыне. Он ввел два длинных пальца глубоко в мое лоно, растягивая меня, двигая ими в жестоком, рваном ритме, в то время как его рот продолжал безжалостно терзать мой клитор.

Это было невыносимо. Чувственная перегрузка была такой силы, что перед глазами замелькали белые вспышки. Я рыдала, стонала его имя, мои ногти впивались в его кашемировый свитер.

— Антонио! Пожалуйста... я сейчас... я не могу больше... — умоляла я, чувствуя, как волна оргазма закручивается тугой спиралью, готовая взорваться.

Но он был изощренным садистом. В тот момент, когда я была в миллиметре от разрядки, он резко прекратил пытку, вытащив пальцы и отстранившись.

Я издала жалобный, разочарованный вопль, почти падая на ковер, но он поймал меня. Его глаза горели инфернальным пламенем. Он перевернул меня на спину, укладывая прямо на густой белый ворс ковра. Свет от камина окрашивал наши тела в багровые и золотые тона.

Антонио навис надо мной. Его лицо было напряженным, скулы заострились. Он развел мои ноги, устроившись между моих бедер.

— Смотри на меня, Элиза. Не закрывай глаза, — прохрипел он, фиксируя мой взгляд своим черным, пронизывающим взором.

Он не стал вонзаться в меня с разбегу, как в прошлый раз. Сегодня он хотел, чтобы я прочувствовала каждый миллиметр его вторжения. Медленно, дюйм за дюймом, он начал погружать свою огромную, раскаленную плоть в мое узкое, трепещущее лоно. Это медленное проникновение было сродни экзекуции. Я чувствовала, как стенки моего влагалища растягиваются до предела, обхватывая его толщину, как каждая складочка моей плоти отзывается на его шероховатость.

Я стонала, кусая губы до крови, глядя в его глаза. В них я видела отражение собственной агонии. Он входил в меня так медленно, что мне хотелось кричать, умоляя его ускориться. Когда он наконец погрузился до самого основания, уперевшись в мою шейку матки, он замер, тяжело дыша, наслаждаясь моим расширенным от боли и блаженства взглядом.

— Ты моя. Полностью, безвозвратно моя, — прошептал он, и это звучало не как признание в любви, а как прочтение приговора.

А затем он начал двигаться. Ритм был гипнотическим, глубоким, выверенным до совершенства. Каждый его толчок достигал самого дна моей сущности. Он не отрывал взгляда от моих глаз, связывая нас не только физическим слиянием, но и психологическим контактом такой интенсивности, что мне казалось, он читает мои мысли.

С каждым его движением жар внутри меня нарастал, концентрируясь в пульсирующем комке нервов. Антонио проскользнул рукой между нашими телами и большим пальцем начал властно, жестко растирать мой клитор, одновременно продолжая глубоко, размеренно вколачиваться в меня.

Это двойное воздействие сломило меня мгновенно.

Экстаз ударил, как разряд молнии. Я закричала, выгибаясь дугой навстречу его бедрам. Мое тело билось в конвульсиях оргазма, стенки моего естества судорожно сжимались, досуха выжимая его плоть. Мои слезы, смешанные с потом, катились по вискам, скрываясь в густом ворсе ковра. Это было не просто физическое освобождение, это было полное, абсолютное разрушение моей личности, моего эго. Я растворялась в нем, отдавая ему последние крохи своей свободы.

Мой оргазм спровоцировал его. Лицо Антонио исказилось в гримасе животного наслаждения. Он ускорил темп до безумного, яростного галопа, его толчки стали короткими и безжалостными. С низким, гортанным рыком он дошел до предела, изливая в меня свой горячий, пульсирующий поток.

Он рухнул на меня всем своим тяжелым телом, пряча лицо в изгибе моей шеи. Его грудь ходила ходуном, сердце билось о мои ребра с такой же сумасшедшей скоростью, как и мое собственное.

Мы лежали так, сплетенные в единый узел плоти, в тишине гостиной, нарушаемой лишь треском биокамина и нашим хриплым, прерывистым дыханием. Я чувствовала тяжесть его тела, запах его пота и абсолютную, сокрушительную эмоциональную пустоту.

Я отдала ему всё. Я открыла перед ним свою душу, показала свою боль, свою зависимость, свою готовность ползать у его ног. Я позволила ему унизить меня этим ожиданием и возвысить этим сексом. Но пока его пульс медленно успокаивался, я с ужасом понимала, что для него этот акт был лишь способом восстановить статус-кво. Он вернул себе контроль. Он доказал себе, что я по-прежнему принадлежу ему по первому щелчку пальцев.

Антонио приподнялся на локтях, посмотрел на мое заплаканное, измученное лицо. В его взгляде на секунду мелькнуло что-то странное, похожее на вину, но он тут же моргнул, и маска

холодного властелина вернулась на место. Он не произнес ни слова утешения. Не поцеловал меня.

Он просто поднялся, молча застегнул брюки и пошел к бару, чтобы налить себе еще один стакан виски, оставив меня лежать на белом ковре, обнаженную, разбитую и бесконечно одинокую в своей больной любви.

ГЛАВА 7. Шепот в темноте:

Утро вторглось в пространство пентхауса не как спаситель, а как безжалостный инквизитор. Бледный, анемичный свет пробивался сквозь плотную пелену непрекращающегося снегопада, окрашивая огромную гостиную в холодные, пепельные тона. Я открыла глаза, обнаружив себя не на белом ковре, где вчера ночью была распята собственной страстью, а на огромной постели в спальне Антонио. Я не помнила, как оказалась здесь. Видимо, когда изнеможение окончательно отключило мое сознание, он перенес меня на руках, укрыв тяжелым шелковым одеялом.

Этот жест — перенос моего бесчувственного тела в свою постель — казался пугающе интимным. Он противоречил той холодной отстраненности, с которой он отвернулся от меня после оргазма. В этом был весь Антонио: он ранил с хирургической точностью, а затем накладывал на рану тончайший шелк, оставляя меня в состоянии постоянного когнитивного диссонанса.

Я медленно села, придерживая одеяло у груди. Мое тело было тяжелым, словно налитым свинцом. Каждая мышца пульсировала тупой, ноющей болью, напоминающей о вчерашней первобытной дикости. Я огляделась. Спальня была пуста. Тишина стояла такая плотная, что я слышала собственное поверхностное дыхание.

Спустив ноги на ледяной пол, я поежилась. Мне нужно было смыть с себя следы вчерашней ночи. Смыть запах его кожи, который въелся в мои поры, смыть остатки своей слабости, смыть эту липкую, удушливую зависимость. Обернувшись в простыню, я направилась в ванную комнату, которая своими размерами и мрачной роскошью напоминала античные термы.

Стены и пол были выложены плитами из черного, как смоль, мрамора с тонкими золотыми прожилками. В центре возвышалась огромная, круглая чаша ванны, высеченная из цельного куска темного камня. Я подошла к массивным латунным кранам и повернула вентиль. Мощная струя воды с шумом ударилась о дно, наполняя пространство густым, обволакивающим паром.

Сбросив простыню, я шагнула в обжигающе горячую воду. Контраст между прохладным воздухом комнаты и кипятком заставил меня судорожно выдохнуть. Я погрузилась по самую шею, закрыла глаза и позволила воде обнять меня. Пар оседал на ресницах мелкими каплями. Я попыталась ни о чем не думать, попыталась раствориться в этом физическом тепле, но мой разум продолжал генерировать образы его черных глаз, его рук, его безжалостных слов.

Сквозь шум льющейся воды я не услышала, как открылась дверь.

Я почувствовала его присутствие кожей еще до того, как открыла глаза. Воздух в ванной неуловимо изменился, уплотнился, словно гравитация в комнате внезапно увеличилась вдвое. Распахнув веки, я увидела Антонио.

Он стоял на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку. На нем были лишь темные костюмные брюки, идеально сидящие на бедрах. Торс был обнажен. При свете утреннего солнца, с трудом пробивающегося сквозь пар и заснеженные окна, его тело казалось произведением искусства эпохи Возрождения — широкая грудь, рельефные мышцы пресса, темные волосы, сбегающие вниз, к линии пояса. На его левом плече, прямо над ключицей, я заметила бледный, застарелый шрам, о происхождении которого никогда не осмелилась бы спросить.

Он молча смотрел на меня. В его взгляде не было вчерашней звериной жажды, но было нечто гораздо более опасное — глубокое, темное, сканирующее внимание.

Я инстинктивно сжалась в воде, подтянув колени к груди и обхватив их руками, пытаясь скрыть свою наготу, хотя после вчерашней ночи это действие было верхом нелепости. Антонио медленно оттолкнулся от косяка и бесшумно подошел к краю ванны.

— Вода слишком горячая. Ты обожжешь кожу, — его голос звучал низко, бархатисто, отражаясь от мраморных стен эхом.

Он опустился на одно колено прямо на твердый камень, не заботясь о том, что может намочить дорогие брюки. Его движения были лишены спешки. Он протянул руку, погрузив пальцы в кипяток, и нахмурился. Затем он закрыл кран с горячей водой и открыл холодную, регулируя температуру.

— Я... я собиралась уходить, — пробормотала я, чувствуя себя невероятно глупо. Мой голос дрожал, выдавая с головой ту бурю, которую вызывала во мне его близость.

— Куда? — спокойно спросил он, не глядя на меня, продолжая водить рукой в воде, чтобы смешать потоки. — В свою пустую квартиру? К старым книгам и пыли?

Его осведомленность о моей жизни кольнула меня. Он знал всё. Он всегда всё знал.

Не дожидаясь ответа, Антонио взял с мраморной полки флакон с густым, янтарным маслом для душа. Он налил немного на свою широкую ладонь. Аромат горького миндаля, амбры и дикого меда мгновенно наполнил влажный воздух.

— Повернись, — приказал он. Это был не вопрос и не просьба.

Я замерла, широко распахнув глаза. Эротизм этой сцены был совершенно иного порядка, нежели то, что происходило вчера. Вчера было разрушение, доминирование, животный голод. Сейчас же это было медленное, изощренное психологическое подчинение.

Когда я не шевельнулась, парализованная его намерением, Антонио вздохнул, и его руки опустились в воду, ложась на мои плечи. Его пальцы скользнули по моей мокрой коже, и от этого прикосновения по моему позвоночнику пробежала мощная электрическая дуга. Он мягко, но непреклонно развернул меня к себе спиной.

Его горячие, скользкие от масла ладони легли на мою шею, начиная медленно, глубоко массировать напряженные мышцы. Я закрыла глаза, не в силах сдержать тихий, сдавленный вздох. Это было невероятно, мучительно приятно. Его пальцы спускались ниже, скользя по позвонкам, очерчивая линию лопаток. В этом жесте не было откровенного сексуального напора, но в нем крылась такая сокрушительная, пугающая интимность, что я чувствовала себя более обнаженной, чем когда-либо.

— Ты напряжена, словно струна, Элиза, — его голос звучал прямо над моим ухом. Горячее дыхание смешивалось с паром, заставляя волоски на моей шее вставать дыбом. — Чего ты боишься? Меня?

— Я боюсь себя, Антонио, — слова вырвались помимо моей воли, обнажая мою самую страшную уязвимость. Я сидела в воде, полностью подчиненная его рукам, его воле, его ритму.

Его ладони скользнули с моей спины на бока, затем мягко, но властно легли на живот, притягивая меня спиной к борту ванны. Я почувствовала тепло его груди сквозь толстый камень. Его руки в масле скользили по моей коже с гипнотической медлительностью. Он поднялся выше, обхватывая мои груди, не сжимая их грубо, как любовник в порыве страсти, а поглаживая с задумчивой, почти эстетической нежностью, словно скульптор, изучающий свое лучшее творение.

Мое дыхание сбилось. Я откинула голову назад, опираясь на холодный мрамор, и мои мокрые волосы разметались по краю ванны. Каждый раз, когда его большие пальцы задевали мои затвердевшие соски, из моего горла вырывался тихий стон. Это была другая сторона его власти. Если вчера он брал меня силой своей ярости, то сегодня он растворял мою волю в чистом, концентрированном чувственном удовольствии, заставляя меня добровольно капитулировать.

Он наклонился, и его губы коснулись моей мокрой шеи. Поцелуй был легким, как касание крыла бабочки, но он обжег меня сильнее кипятка.

— Тебе не нужно ничего бояться, — прошептал он, и его голос вибрировал в моей крови. — Пока ты принадлежишь мне, никто не посмеет причинить тебе боль.

«Никто, кроме тебя», — горько подумала я, но не произнесла этого вслух. Я была слишком слаба, чтобы разрушить этот хрупкий, иллюзорный момент нежности. Я позволила себе закрыть глаза и поверить, хотя бы на эти несколько минут, что я значу для него нечто большее, чем красивая, удобная игрушка.

Когда пытка нежностью закончилась, Антонио взял большое, пушистое полотенце и сам завернул меня в него, когда я неуверенно вышла из ванны. Он промокнул мои волосы, глядя на меня с тем же непроницаемым, темным выражением лица.

— Одевайся. Завтрак накрыт, — бросил он, и в мгновение ока дистанция между нами снова восстановилась. Хищник вернулся в свою идеальную, холодную форму.

Через двадцать минут я сидела напротив него за длинным обеденным столом из массива черного дерева. На мне был один из его невероятно дорогих кашемировых свитеров, который он велел мне надеть, поскольку мое бархатное платье осталось лежать в гостиной. Свитер пах им, и это сводило меня с ума.

Стол был накрыт с королевским размахом, но я не чувствовала вкуса еды. Я ковырялась вилкой в яйце пашот, изредка бросая взгляды на Антонио. Он был уже в свежей, белоснежной рубашке, с идеально уложенными волосами, просматривая финансовые сводки на планшете. Контраст между мужчиной, который полчаса назад мыл меня в ванной, и этим бездушным магнатом был настолько разительным, что у меня начинала кружиться голова.

Он отодвинул планшет и поднял на меня взгляд. В его глазах не было ни капли утренней мягкости.

— Ты плохо ешь, Элиза. Ты похудела за эти две недели.

Я вздрогнула от неожиданности. Он заметил. Он, черт возьми, всё заметил.

— Я много работала, — ровно ответила я, стараясь, чтобы голос не выдал моей внутренней дрожи.

Антонио взял салфетку из египетского льна, медленно вытер губы и отложил ее в сторону.

— Твоя работа. Реставрация старых, никому не нужных книг, — он произнес это не с пренебрежением, а скорее с холодным исследовательским интересом. — Ты пытаешься вернуть жизнь вещам, которые давно мертвы. Это... символично.

— Они не мертвы, — вспыхнула я, уязвленная его тоном. Защищать свою работу было для меня сродни защите собственной души. — В каждой старой книге есть история. Не только та, что написана на страницах, но и история тех, кто ее читал, кто держал ее в руках. Я не просто клею бумагу, Антонио. Я сохраняю память.

Он долго смотрел на меня. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение, смешанное с непонятной мне грустью.

Затем он поднялся из-за стола, подошел к небольшому антикварному комоду, стоящему в углу столовой, и достал оттуда плоский, прямоугольный предмет, обернутый в темный бархат. Он вернулся к столу и положил этот сверток передо мной.

— Открой, — приказал он.

Мои руки слегка дрожали, когда я развязывала шелковую ленту и откидывала бархатную ткань. Под ней оказался деревянный футляр. Я открыла крышку и ахнула, закрыв рот ладонью.

На бордовом шелке лежала книга. Это было не просто старое издание. Это был фолиант шестнадцатого века, переплетенный в темно-бордовую марокканскую кожу с остатками потускневшего золотого тиснения. Корешок был надорван, страницы, виднеющиеся сбоку,

пожелтели и имели неровные, обрезанные вручную края. Это была невероятно редкая, баснословно дорогая вещь, мечта любого реставратора или коллекционера.

— Это... — я не могла подобрать слов. Мое сердце забилось так быстро, что мне стало трудно дышать. Я подняла на него ошеломленный взгляд. — Зачем, Антонио? Зачем ты это сделал?

— Я увидел это на закрытом аукционе в Женеве, — спокойно ответил он, садясь обратно в свое кресло. — Ее состояние плачевно. Владелец не знал, как с ней обращаться. Я подумал, что в твоих руках она обретет второй шанс.

Слезы, которые я так отчаянно сдерживала все утро, все-таки брызнули из моих глаз. Этот подарок был страшнее, чем любые его грубые слова. Если бы он подарил мне бриллианты, машину, дизайнерскую сумку — я бы поняла. Это была бы плата. Это был бы откуп. Но он привез мне из Женевы старую, разрушенную книгу, потому что он *видел меня*. Он знал, что я люблю. Он проник в ту сферу моей жизни, которую я считала неприкосновенной, и оставил там свой след.

Он не просто хотел владеть моим телом. Он начал колонизировать мою душу.

— Я не могу это принять, — прошептала я, сквозь слезы глядя на сокровище в деревянной коробке. — Это стоит целое состояние.

Лицо Антонио мгновенно заледенело. Мягкость исчезла без следа, уступив место жесткому, авторитарному доминированию.

— Я не спрашивал твоего разрешения, Элиза. И я не предлагал тебе выбор, — его слова падали, как тяжелые камни. — Это твое. И ты это возьмешь.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен.

— Алессандро ждет тебя внизу. Тебе пора. У меня сегодня сложный день.

Он развернулся и вышел из столовой, даже не оглянувшись. Я осталась сидеть за огромным столом, наедине с холодеющим кофе и бесценной книгой. Я осторожно провела кончиками пальцев по потертой коже фолианта. Книга нуждалась в спасении. Ее можно было склеить, очистить от пыли веков, укрепить корешок и вернуть ей первозданную красоту.

Но кто, черт возьми, спасет меня?

Я понимала, с ужасающей, ледяной ясностью, что этот подарок был не актом любви. Это был акт абсолютного, тотального контроля. Антонио показал мне, что нет такой части моей жизни, до которой он не мог бы дотянуться. Он заполнил мою квартиру тишиной, мое тело — страстью, а теперь он заполнял мою работу своим незримым присутствием.

Я бережно закрыла футляр, прижала его к груди, как щит, и медленно пошла к выходу. Зима за окном бушевала с новой силой. Я уходила из его идеальной башни, унося с собой еще одну тяжелую, золотую цепь, которой он добровольно, с изяществом хищника, сковал мое и без того измученное сердце.

ГЛАВА 8. Осколки его прошлого:

Запах старой кожи, пчелиного воска и медленно увядающей, рассыпающейся в прах бумаги стал для меня спасительным наркотиком. Три дня после моего возвращения из стеклянной башни Антонио я почти не выходила из полуподвальной мастерской. Я заперлась в этом тихом убежище, отрезав себя от внешнего мира, от пронизывающего ноябрьского ветра и, как мне отчаянно хотелось верить, от губительного влияния человека, который подарил мне фолиант шестнадцатого века.

Книга лежала на моем рабочем столе под холодным, бестеневым светом галогеновой лампы, напоминая тяжелораненого пациента на операционном столе. Это была невероятно сложная, почти ювелирная работа. Темно-бордовый марокканский переплет, иссушенный веками, требовал деликатного увлажнения специальными составами; каждая страница, покрытая изящной вязью латинского текста, нуждалась в очистке от микроскопической пыли и гриб-

ковых спор. Я прикасалась к ней мягкими кистями, использовала скальпель и тончайшую японскую бумагу для реставрации разрывов, вкладывая в этот процесс всю свою нерастраченную нежность.

Но чем больше времени я проводила над этим шедевром, тем яснее становилась пугающая, извращенная метафора, которую Антонио вложил в этот подарок.

Он не просто отдал мне ценную вещь. Он принес мне разрушенную, хрупкую структуру и сказал: «Восстанови». Я смотрела на переплет, и в моем воспаленном сознании он сливался с моим собственным телом, с моей собственной душой, которую Антонио методично, день за днем разбирал на части, чтобы потом, возможно, собрать в угодной ему, новой форме. Он играл со мной в Бога. Он наслаждался моей хрупкостью, моей зависимостью, моим отчаянием, наблюдая, как я пытаюсь склеить саму себя, только для того, чтобы в следующий раз он мог сломать меня снова.

К исходу третьего дня тишина мастерской перестала быть лечебной. Она начала давить, заполняясь фантомными звуками его низкого голоса и тяжелых шагов. Мое тело, до сих пор хранившее память о его жестоких, безжалостных ласках, предательски ныло, требуя новой дозы этого яда. Я ненавидела себя за эту физиологическую покорность. Я ненавидела тот факт, что каждый раз, закрывая глаза, я видела не спасительную темноту, а его черные, непроницаемые зрачки, в которых тонула моя независимость.

Вечером четвертого дня раздался звонок.

Не текстовое сообщение от его безликой службы безопасности, а прямой звонок с его личного номера. Экран телефона вспыхнул в полумраке мастерской, как сигнальная ракета. Мое сердце совершило болезненный кульбит, ударившись о ребра. Я долго смотрела на светящийся дисплей, сжимая в руке костяной стек для разглаживания бумаги, борясь с искушением просто выключить аппарат. Но я знала правила. Игнорировать Антонио было равносильно попытке остановить цунами ладонями.

Я провела пальцем по экрану и поднесла телефон к уху. Мое дыхание было прерывистым, и я молилась, чтобы он этого не услышал.

— Да, — мой голос прозвучал тише, чем я планировала.

— Выходи, — произнес он. Всего одно слово. Низкое, вибрирующее, пропитанное той абсолютной, непререкаемой властью, которая не нуждалась в объяснениях. — Машина у входа.

Связь оборвалась. Он даже не стал дожидаться моего согласия.

Я медленно опустила телефон. Мои руки дрожали. Я сняла рабочий фартук, обнажив простое, облегающее темно-серое платье из тонкой шерсти, в котором пришла утром. Я не стала поправлять макияж или расчесывать волосы, собранные в небрежный пучок. Я больше не хотела играть в его игры с переодеваниями. Если он хочет видеть меня, пусть видит такой, какая я есть — уставшей, измученной, с въевшимся в кожу запахом клея и пыли.

Но когда я вышла на морозную улицу, кутаясь в пальто, и села на заднее сиденье черного внедорожника, я поняла, что маршрут изменился. Алессандро вез меня не в стеклянный пентхаус в центре города. Мы выехали за пределы мегаполиса, направляясь по узкому шоссе в сторону закрытых, элитных пригородов, где за высокими каменными заборами скрывались настоящие поместья тех, кто управлял этим миром.

Спустя сорок минут машина плавно затормозила перед массивными коваными воротами, которые бесшумно открылись, пропуская нас на территорию, утопающую в вековых соснах. Снег здесь лежал нетронутыми, искрящимися сугробами, поглощая любые звуки. В конце длинной аллеи возвышался огромный особняк классической архитектуры, больше похожий на уединенный замок, сложенный из темного, сурового камня. Это была его крепость. Место, о существовании которого я даже не подозревала.

Охрана провела меня внутрь, не произнеся ни слова. Меня сопроводили по длинным, слабо освещенным коридорам, устланным толстыми коврами, гасящими шаги. Воздух здесь

был совершенно иным — он пах старым деревом, дорогими сигарами, коньяком и абсолютной, неприкасаемой мужской властью.

Двери из красного дерева распахнулись, и я оказалась в библиотеке.

Это было колоссальное помещение, занимающее, казалось, два этажа. Стены от пола до потолка были закрыты массивными дубовыми стеллажами, уставленными тысячами томов в кожаных переплетах. В центре комнаты стоял гигантский, тяжелый письменный стол из темного махагони, заваленный бумагами и чертежами. Свет исходил лишь от антикварной настольной лампы с зеленым стеклянным абажуром и от ревущего пламени в огромном каменном камине.

Антонио стоял спиной ко мне, у окна, глядя в темноту заснеженного леса. На нем не было пиджака. Только белая сорочка, рукава которой были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья с выступающими венами, и расстегнутый на две пуговицы ворот. В этой полуформальной, расслабленной домашней обстановке он казался еще более опасным, еще более хищным, чем в своих бронированных костюмах.

Услышав скрип закрывшейся за мной двери, он медленно обернулся. Его черные глаза, отражающие блики каминного пламени, впились в меня, сканируя с ног до головы. В этом взгляде не было нежности. В нем горела темная, тяжелая, обволакивающая жажда.

— Ты привела себя в порядок, — констатировал он, подходя ближе. Его голос был тихим, бархатным рыком, от которого по моей спине побежали мурашки. — Никакого бархата. Никакой брони. Только ты.

— Зачем ты привез меня сюда, Антонио? — спросила я, стараясь сохранить дистанцию, хотя меня неумолимо тянуло к нему, как бабочку к открытому огню. — Что это за место?

— Это мой настоящий дом, Элиза. Место, куда я не привожу никого, — ответил он, останавливаясь в шаге от меня. Жар его тела ощущался даже на таком расстоянии. — Я хотел, чтобы ты увидела его. Я хотел, чтобы ты была здесь.

Его слова были подобны сладкому яду. Он впрыскивал его прямо в мои вены, заставляя мое сердце биться с сумасшедшей скоростью. Он пускал меня на свою территорию, обнажая ту часть своей жизни, которая была скрыта от всего остального мира.

Он протянул руку и медленно, кончиками длинных пальцев вытащил единственную шпильку из моих волос. Тяжелая, темная волна рассыпалась по моим плечам. Антонио глубоко вдохнул, закрыв глаза, словно впитывая мой запах.

— Ты пахнешь старой бумагой и миндалем, — прошептал он, и его рука скользнула на мой затылок, жестко, по-собственнически фиксируя мою голову. — Мой маленький, упрямый реставратор. Как продвигается работа?

— Я очистила переплет, — мой голос дрогнул, когда он наклонился ближе, и его губы почти коснулись моей щеки. — Но она... она очень хрупкая. Одно неверное движение, и она рассыплется.

— Как и ты, — его шепот обжег мое ухо. — Ты думаешь, я не знаю, что ты делаешь? Ты пытаешься выстроить между нами стены. Ты пытаешься защититься от меня своей работой, своим упрямством, своей мнимой гордостью. Но мы оба знаем правду, Элиза.

Он резко подался вперед, впечатывая свои губы в мой рот. Это не был нежный поцелуй. Это было вторжение, безжалостное и сокрушительное. Его язык проник в меня, требуя абсолютной, безоговорочной капитуляции. Вкус его слюны, смешанный с терпкостью дорогого виски, мгновенно опьянил меня, лишая остатков воли. Мои руки, до этого безвольно висевшие вдоль тела, сами собой взметнулись вверх, обвивая его сильную шею, пальцы зарылись в его густые волосы.

Я застонала в его губы, отвечая на поцелуй с той же дикой, животной отчаянностью. Все мои клятвы забыть его, вся моя гордость сгорели в этом пламени за секунду.

Антонио оторвался от моих губ, тяжело дыша. В его глазах полыхал инфернальный огонь. Не говоря ни слова, он подхватил меня на руки, как пушинку. Я ахнула, инстинктивно цепляясь за его плечи. Он сделал несколько широких шагов и одним мощным движением посадил меня на край своего гигантского махагонового стола, смахнув на пол стопку каких-то документов. Бумаги разлетелись белыми птицами, но никого из нас это уже не волновало.

Поверхность стола была прохладной и твердой, контрастируя с обжигающим жаром, который растекался внизу моего живота. Антонио встал между моих раздвинутых ног. Его бедра плотно прижались к моим. Он смотрел на меня сверху вниз, и в этом взгляде читалось намерение поглотить меня целиком.

Его руки легли на подол моего шерстяного платья. Медленно, методично, растягивая пытку, он начал поднимать ткань вверх. Мои бедра, обтянутые тонкими чулками, обнажались дюйм за дюймом. Воздух библиотеки казался наэлектризованным, тяжелым, пропитанным мускусом и ожиданием.

— Ты прекрасна в своем подчинении, Элиза, — хрипло произнес он, глядя на то, как судорожно вздымается моя грудь.

Он не стал снимать с меня платье полностью. Он поднял его до талии, обнажив мой живот и бедра, оставив меня в черном кружевном белье и поясе с чулками. Этот полураздетый, уязвимый вид заводил его еще больше.

Его длинные, сильные пальцы скользнули по моей внутренней поверхности бедра, обжигая кожу сквозь тонкую сетку чулок. Я непроизвольно выгнулась назад, опираясь руками о прохладную древесину стола, подставляя себя под его ласки. Мое лоно пульсировало, истекая горячими соками, умоляя о наполнении, о том единственном человеке, который мог утолить эту изнуряющую жажду.

Антонио наклонился, его лицо оказалось на уровне моей груди. Он покрыл влажными, кусающими поцелуями линию моего декольте, затем, через ткань платья, взял в рот твердый, болезненно чувствительный сосок. Я вскрикнула, запрокидывая голову. Ощущение его горячего рта, сосущего и слегка прикусывающего мою грудь, пронзило меня насквозь, отдаваясь тяжелыми, сладостными спазмами глубоко внутри.

В то же время его рука безжалостно, одним резким рывком разорвала тонкую ластовицу моих кружевных трусиков. Треск ткани эхом разнесся по тихой библиотеке. Он не терпел преград.

— Ты такая мокрая, — прорычал он, погружая два пальца глубоко в мою истекающую влагой плоть. — Ты плачешь для меня. Твое тело знает, кому оно принадлежит.

Его пальцы двигались внутри меня ритмично, жестко, массируя самые чувствительные точки, растягивая меня, подготавливая к своему вторжению. Большим пальцем он нашел пульсирующий бугорок и начал с силой растирать его, доводя меня до состояния полного исступления.

Я задыхалась. Мои стоны превратились в непрерывный, жалобный скулеж. Я царапала полированную поверхность стола, не в силах вынести этот чувственный перегруз. Мир вокруг сузился до размеров этого кабинета, до запаха его пота, до звука шлепков его пальцев о мою мокрую плоть.

— Антонио... пожалуйста... я хочу тебя... — молила я, совершенно забыв о стыде. Я была готова умолять на коленях, лишь бы он прекратил эту пытку ожиданием.

Он вытащил пальцы, заставив меня издать разочарованный стон. Глядя мне в глаза темным, безумным взглядом, он расстегнул ремень, звук пряжки лязгнул, как затвор пистолета. Он освободил свое огромное, тяжелое, пульсирующее естество, налитое кровью и яростью.

Он обхватил мои бедра, притянув меня на самый край стола.

— Смотри мне в глаза, — приказал он.

Я послушно распахнула затуманенные глаза, встречаясь с его гипнотическим взглядом. В следующее мгновение он подался вперед и одним мощным, сокрушительным толчком вонзился в меня до самого основания.

Я закричала. Крик был полон резкой, растягивающей боли, которая мгновенно, как вспышка сверхновой, переплавилась в ослепительное, разрывающее блаженство. Он заполнил меня полностью, до боли, до ощущения, что он касается самого моего сердца.

Антонио замер на секунду, тяжело дыша, его челюсти сжались, на скулах заиграли желваки. Он давал мне время привыкнуть к его размеру, к этой тотальной заполненности. А затем он начал двигаться.

Он вколачивался в меня с первобытной силой, каждый его толчок сотрясал тяжелый дубовый стол. Кожа билась о кожу, звук этих ударов разносился по огромной библиотеке, сливаясь с треском камина. Его руки сжали мою талию, пальцы оставляли синяки на моей бледной коже. Ритм был диким, безжалостным, он не давал мне ни секунды передышки.

Я была в его абсолютной власти. Мое тело было распято на алтаре его стола, принесено в жертву его ненасытному голоду. Я обхватила его ногами, прижимаясь к его каменным бедрам, ловя каждое его движение. Каждый его глубокий выпад отдавался вибрацией в моем мозгу.

— Моя... — рычал он с каждым толчком. — Только моя. Никто не прикоснется к тебе. Никто.

Эта собственническая ярость заводила меня еще больше. Я чувствовала, как внутри меня скручивается тугая, огненная пружина. Напряжение нарастало, заполняя меня до краев. Я больше не могла дышать, я лишь глотала воздух открытым ртом, глядя в его искаженное страстью лицо.

— Да... Антонио, да! — кричала я, теряя последние остатки контроля.

Экстаз ударил меня с такой силой, что перед глазами померк свет. Мое тело выгнулось, мышцы лона судорожно, спазматически сжались вокруг его твердой плоти, вытягивая из него всё до последней капли. Оргазм был долгим, мучительным, сокрушительным, он разрывал меня на тысячи осколков, смывая всю мою боль, всю мою ревность, оставляя лишь чистый, звенящий свет.

Мой крик и судороги стали для него последней каплей. Антонио издал низкий, гортанный рев. Он сделал несколько последних, самых глубоких, разрывающих толчков, вбивая меня в дерево стола, и его тело застыло, напряженное как стальной трос. Он излился в меня мощными, горячими толчками, заполняя мою пустоту своим семенем.

Мы замерли, тяжело, хрипло дыша, оглушенные силой произошедшего. Антонио рухнул на меня, его широкая грудь придавила меня к столу, его лицо зарылось в мои разметавшиеся волосы. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце, как пот струится по его вискам. Мои руки бессильно лежали на его плечах, пальцы бездумно гладили влажный шелк его кожи.

Тишина библиотеки медленно возвращалась, обволакивая нас. Запах секса, пота и старой древесины был одурманивающим. Я лежала на этом твердом столе, придавленная его весом, чувствуя его плоть всё еще внутри себя, и понимала страшную, неотвратимую истину.

С каждым таким слиянием, с каждым оргазмом, с каждым моим криком подчинения, он выжигал во мне всё, что делало меня Элизой. Я превращалась в продолжение его воли. Я была его любимой, хрупкой книгой, которую он переписывал заново, стирая мои прежние страницы. И самое ужасное заключалось в том, что я, корчась в сладостной агонии на его столе, сама, добровольно протягивала ему чернила для этого приговора.

Антонио медленно приподнялся на локтях. Его глаза, всё еще темные и расширенные, смотрели на мое измятое, покрасневшее лицо. Он провел большим пальцем по моей припухшей губе. В этом жесте, впервые за долгое время, скользнула тень чего-то похожего на нежность, или, возможно, это было просто удовлетворение хищника, поглотившего свою самую вкусную добычу. Но он снова ничего не сказал. Он лишь поцеловал меня в лоб — тяжело,

властно — и медленно вышел из меня, оставляя меня лежать на алтаре его библиотеки, опустошенную, заклейменную и навсегда привязанную к его тьме.

ГЛАВА 9. Заложница тайн:

Пробуждение в чужом доме всегда сопровождается секундой спасительной дезориентации, когда разум еще цепляется за обрывки сновидений, отказываясь принимать реальность. Но в то утро, открыв глаза в спальне загородного поместья Антонио, я не испытала даже этой кратковременной иллюзии безопасности. Реальность обрушилась на меня сразу, безжалостно и тяжело, как каменная плита.

Свет, проникавший сквозь высокие, стрельчатые окна, был бледным, почти прозрачным. Зимнее солнце, запертое за плотной пеленой снеговых туч, не грело, а лишь высвечивало колоссальные масштабы комнаты. Я лежала в центре огромной кровати под балдахином из темного, тяжелого шелка. Мое тело было укрыто белоснежным пуховым одеялом, контраст которого с мрачной, средневековой эстетикой спальни резал глаз. Постельное белье пахло свежестью, морозом и едва уловимым, терпким ароматом его кожи.

Я была одна.

Тишина, царившая в особняке, кардинально отличалась от тишины стеклянного пентхауса. Там, на вершине небоскреба, безмолвие казалось искусственным, созданным с помощью новейших технологий звукоизоляции, отсекающих гул мегаполиса. Здесь же тишина была древней, органичной, впитавшейся в каменные стены и дубовые перекрытия. Это было молчание векового леса, поглотившего любые звуки.

Каждое движение отзывалось во мне тупой, ноющей болью — физическим наследием вчерашней ночи в библиотеке. Мои мышцы помнили безжалостную твердость махагонового стола, грубость его хватки и ту сокрушительную, темную страсть, которая выжгла меня изнутри, оставив после себя лишь пепел. Я медленно села, придерживая одеяло у груди. Взгляд скользнул по комнате, отмечая детали: антикварный гобелен на стене, изображающий сцену охоты, массивный камин из нетесаного камня, в котором давно остыла зола, и тяжелую деревянную дверь, надежно скрывающую этот личный склеп от остального мира.

На кресле у изножья кровати лежал аккуратно сложенный халат из плотной шерсти глубокого графитового оттенка. Моего вчерашнего платья нигде не было. Я спустила ноги на холодный пол, чувствуя, как по коже пробегает стайка мурашек, и закуталась в халат. Он был мне велик, его полы волочились по полу, но тяжесть ткани дарила иллюзорное чувство защищенности.

Я вышла из спальни, ступая босиком по длинному коридору. Дом казался вымершим. Свет падал сквозь узкие окна, выхватывая из полумрака портреты в потемневших золотых рамах, массивные комоды красного дерева и старинные вазы. Я шла, не зная направления, ведомая каким-то глубинным инстинктом исследователя. Я хотела понять это место. Это поместье было не просто жилищем; оно было архитектурным воплощением души Антонио — мрачным, неприступным, полным скрытых теней и подавляющим своим величием. Здесь не было случайных вещей. Каждая деталь кричала о власти, традициях и абсолютном, непререкаемом контроле.

Спускаясь по широкой парадной лестнице, устланной ковром, приглушающим звуки шагов, я почувствовала едва уловимый, странный для этого времени года запах. Сквозь аромат старого дерева, воска и холодного камня пробивался влажный, густой и дурманящий запах сырой земли и цветущих растений.

Сгорая от любопытства, я пошла на этот запах. Он привел меня в левое крыло особняка, к высоким стеклянным дверям с кованой решеткой, которые были слегка приоткрыты. Толкнув створку, я переступила порог и замерла, пораженная открывшейся передо мной картиной.

Это был зимний сад. Огромная оранжерея, перекрытая стеклянным куполом, сквозь который было видно серое, заснеженное небо. Воздух здесь был тяжелым, горячим и невыносимо влажным, контрастируя с ледяным холодом остального дома. Тропический оазис, запертый в стеклянной клетке посреди суровой зимы.

Я медленно шла по узким дорожкам, выложенным мелкой галькой. Вокруг бушевала неестественная, агрессивная зелень: гигантские папоротники раскинули свои резные листья, лианы обвивали чугунные опоры купола, а в воздухе стоял одуряющий аромат орхидей. Их были десятки, сотни. Белоснежные, кроваво-красные, фиолетовые, почти черные — они свисали с подвесных конструкций, тянулись из терракотовых горшков, поражая своей уязвимой, инопланетной красотой.

Это место было пугающим в своей идеальности. Здесь не было увядших листьев, не было хаоса дикой природы. Каждое растение находилось в строгих рамках, подчиненное невидимой, но жесткой воле садовника.

— Они называются *Dracula vampira*, — раздался за моей спиной спокойный, низкий голос.

Я резко обернулась. Антонио стоял в тени высокой пальмы. На нем были плотные вельветовые брюки песочного цвета, высокие кожаные сапоги для верховой езды и толстый свитер грубой вязки, воротник которого расстегнут. Его волосы были слегка растрепаны ветром, а от одежды исходил запах мороза, конского пота и кожи. Он явно только что вернулся с утренней конной прогулки, пока я спала.

Он шагнул из тени на свет, и я инстинктивно отступила назад, пока моя спина не уперлась в холодную чугунную решетку, поддерживающую орхидеи.

Антонио подошел вплотную. Он не стал дотрагиваться до меня. Его взгляд, внимательный и непроницаемый, скользнул по моему лицу, затем остановился на цветке, который рос прямо возле моего плеча. Это была крупная орхидея с длинными, заостренными лепестками глубокого, почти черного цвета, испещренными тонкими бордовыми прожилками. Цветок действительно напоминал распахнутую пасть экзотического хищника.

Длинным, изящным движением Антонио коснулся лепестка кончиком пальца.

— Эндемик влажных лесов Эквадора, — его голос звучал гипнотически ровно, сливаясь с мерным шумом системы увлажнения. — В естественной среде они растут на склонах вулканов, окутанные вечными туманами. Они требуют очень специфических условий: абсолютной тени, постоянной влажности и перепада температур. Одно малейшее отклонение в микроклимате — и они гибнут в течение суток.

— Зачем тогда держать их здесь? — мой голос прозвучал тихо, почти сипло. Я не могла оторвать взгляд от его руки, которая с пугающей нежностью гладила хищный цветок. — Если им так сложно выжить.

Антонио медленно перевел взгляд с орхидеи на мои глаза. В его темных зрачках отражался бледный свет стеклянного купола.

— Потому что их красота стоит затраченных усилий, Элиза. Красота, которая полностью зависит от меня. В дикой природе они уязвимы. Их могут уничтожить паразиты, засуха, случайность. Здесь... — он обвел взглядом огромную оранжерею, — здесь для них создана идеальная среда. Стеклянный саркофаг, где нет болезней и случайностей. Здесь они живут так долго, как я этого хочу, и цветут тогда, когда я им это позволяю.

Скрытый смысл его слов ударил меня наотмашь. Воздух в оранжерее внезапно показался мне слишком удушливым, липким. Мои легкие отказывались принимать этот сладковатый, гнилостный аромат тепличной жизни. Я смотрела на орхидеи и видела в них свое собственное отражение.

Вчера на махагоновом столе он подчинил мое тело, разорвав все мои жалкие попытки сопротивления. Сегодня он методично препарировал мой разум, показывая мне архитектуру

той клетки, в которую я добровольно вошла. Он говорил о цветах, но каждое его слово было направлено в меня, как отравленная стрела.

— Но это иллюзия жизни, — я заставила себя выпрямиться, отрываясь от чугунной опоры. Мой голос окреп, в нем зазвенели нотки протеста, которые я так долго пыталась подавить. — Они не живут, Антонио. Они функционируют. Они существуют в вакууме, лишенные естественной борьбы. Ты лишил их права на случайность, а значит, лишил их свободы.

Уголок его губ дрогнул в едва заметной, снисходительной усмешке.

— Свобода — это концепция для тех, кому нечего терять, — ответил он тоном снисходительного учителя, объясняющего ребенку суровые истины мира. — В дикой природе свобода означает лишь право умереть незамеченным. А здесь они — шедевры. Они совершенны. И их совершенство сохраняется только благодаря моей защите. Защита, моя маленькая птичка, всегда требует оплаты. И эта плата — покорность.

Он сделал шаг вперед, вторгаясь в мое личное пространство. Тепло его тела смешалось с горячим воздухом оранжереи. Его рука медленно поднялась, и тыльная сторона ладони скользнула по моей щеке, обжигая кожу холодом, принесенным с зимней улицы.

Я не закрыла глаза. Я заставила себя смотреть прямо на него, преодолевая дрожь, которая рождалась в самом центре моего существа.

— Я не орхидея, Антонио, — прошептала я. Мои слова падали в густую, влажную тишину, как капли свинца. — Меня нельзя запереть в стеклянном саркофаге и регулировать мне температуру.

— Разве? — он изогнул темную бровь. Его пальцы скользнули с моей щеки на шею, зарываясь в растрепанные после сна волосы. Рука тяжело, властно легла на мой затылок, заставляя меня чуть запрокинуть голову. — А мне кажется, что ты прекрасно приживаешься в моем климате. Тебе нравится эта темнота. Тебе нравится, когда я отбираю у тебя выбор.

— Это неправда, — я попыталась отстраниться, но его хватка была железной, хоть и не причиняла боли.

— Лжешь, — его шепот стал опасным, обволакивающим. Он наклонился так близко, что наши губы почти соприкоснулись. — Вчера ночью, когда ты кричала мое имя в библиотеке... когда ты умоляла меня... ты не думала о свободе. Ты думала только о том, чтобы я наполнил тебя, чтобы я стал твоим миром. Ты расцвела для меня, Элиза, точно так же, как эти цветы.

Слезы бессилия навернулись на глаза, но я упрямо сморгнула их. Он был прав. В этом заключалась самая жестокая, самая уродливая правда моей жизни. Я боролась с ним на словах, я выстраивала ментальные бастионы, но мое тело предавало меня снова и снова. Я была эмоциональной наркоманкой, и он был моим единственным дилером, с абсолютной точностью дозирующим боль и экстаз.

Но именно сейчас, в этом удушливом тропическом раю, среди экзотических цветов, запертых в стеклянной тюрьме посреди снежной бури, во мне что-то надломилось. Или, наоборот, впервые срослось.

Я поняла, что если продолжу играть по его правилам, я исчезну. Моя личность растворится в его безграничной воле, и я превращусь лишь в еще один красивый, покорный экспонат в его коллекции редкостей — рядом со старинным фолиантом и эквадорской орхидеей.

Я подняла руки и уперлась ладонями в его широкую грудь. Мой жест был слабым, но в нем была твердость решения.

— Отпусти меня, — сказала я ровным, безэмоциональным голосом.

Антонио на секунду замер. В его глазах мелькнула тень удивления. Он привык к моим истерикам, к моим слезам, к моей страсти, но это новое, холодное спокойствие было для него в новинку. Он медленно разжал пальцы, убирая руку с моего затылка.

— Я хочу вернуться в город, — продолжила я, отступая на шаг назад, разрывая физический контакт. Воздух между нами мгновенно остыл. — Мне нужно работать.

Он долго молчал, изучая мое лицо с ледяной, математической точностью. Он искал признаки слабости, искал ту привычную трещину в моей броне, в которую можно было бы просунуть лезвие своего обаяния. Но я закрылась. Я натянула на себя маску, которую переняла у него самого.

— Хорошо, — наконец произнес он. Его голос снова стал сухим и отстраненным. — Завтрак на столе. Машина будет готова через час.

Антонио развернулся и пошел по дорожке к выходу из оранжереи. Его фигура растворилась за густыми зарослями папоротников, оставив меня одну в этом царстве вечного, искусственного лета.

Я стояла неподвижно, пока звук его шагов не стих окончательно. Мои руки дрожали, а сердце билось так, словно я только что пробежала марафон по минному полю. Я одержала крошечную, почти невидимую победу. Я отстояла границу. Но, глядя на темную, хищную орхидею, качающуюся на тонком стебле в потоках теплого воздуха, я понимала, что эта война только начинается.

Дорога обратно в город прошла в абсолютном молчании. Алессандро вел внедорожник сквозь метель, а я смотрела на мелькающие за окном заснеженные ели, чувствуя, как внутри меня формируется новый, жесткий стержень.

Антонио не поехал со мной. Он остался в своей крепости, среди своих книг и своих идеальных цветов.

Когда машина высадила меня у подъезда моего обшарпанного дома, я не обернулась. Я знала, что он попытается вернуть контроль. Я знала, что он не терпит неповиновения. Наш дисбаланс, который раньше строился только на моих неразделенных чувствах, теперь перешел в стадию открытого психологического противостояния.

Я не хотела быть просто желанной. И я категорически отказывалась быть цветком в его стеклянном саркофаге. Если ему нужна была покорная кукла, ему придется найти другую. А я... я вернусь к своим разрушенным фолиантам и попытаюсь найти способ восстановить не только их переплеты, но и свое собственное право дышать вне его разрешения.

ГЛАВА 10. Анатомия боли:

Перспектива Антонио:

Тяжелые кованые ворота моего поместья сомкнулись с глухим, металлическим лязгом, отсекая черную точку удаляющегося внедорожника от заснеженной территории. Алессандро увозил её в город. Я стоял у высокого окна парадной гостиной, заложив руки за спину, и смотрел, как колеса машины оставляют на безупречной белизне свежевыпавшего снега глубокие, грязные колеи. Эти следы были единственным доказательством того, что последние двенадцать часов не были плодом моего воспаленного воображения.

Тишина, опустившаяся на дом, не принесла привычного успокоения. Обычно одиночество было моей броней, моим святилищем, где я мог снять с себя тяжесть управления империей и просто дышать. Но сегодня эта тишина была отравлена. Она вибрировала, гудела в висках, словно высоковольтный провод, напоминая о пустоте, которую Элиза оставила после себя.

Я привык к тому, что люди уходят только тогда, когда я даю на это разрешение. Моя жизнь была выстроена на фундаменте абсолютной предсказуемости и тотального подчинения. Враги, партнеры, женщины — все они существовали в строго очерченных координатах моей воли. Я устанавливал правила, я определял дистанцию, я решал, когда партия окончена.

Но час назад, в душном, пропитанном влагой воздухе оранжереи, моя безупречная система дала катастрофический сбой.

«Отпусти меня. Я хочу вернуться в город».

Ее слова эхом отдавались в моем сознании, повторяясь снова и снова, подвергаясь тщательному, безжалостному анализу. Я мысленно препарировал эту сцену, разбирая ее на мик-

роскопические фрагменты. Я помнил расширенные зрачки ее глаз, в которых больше не было слепого обожания или страха. Я помнил легкую, едва заметную дрожь ее тонких пальцев, когда она уперлась ладонями в мою грудь. Это не было физическим отторжением. Это было возведением границы. Ментальной стены, которую она выстроила за доли секунды, глядя на темную, хищную орхидею.

Она разгадала мою метафору. Более того, она обратила ее против меня. Моя маленькая, хрупкая птичка, которая еще вчера ночью кричала, распятая подо мной на дубовом столе, сегодня утром посмотрела мне в глаза с ледяным спокойствием и отказалась быть моим трофеем.

Внутри меня медленно, тяжело закипала ярость. Но, к моему собственному удивлению, это была ярость не на ее неповиновение. Это была ярость на самого себя. На свою потерю контроля. Я переоценил прочность ее зависимости и недооценил ее интеллект. Я давил слишком сильно, полагая, что ее любовь ко мне — это бездонный колодец, из которого я могу черпать покорность бесконечно. Я ошибся. У любого материала есть предел сопротивления, и я, блестящий стратег, умудрился подойти к этой критической точке, даже не заметив ее приближения.

Резко отвернувшись от окна, я пересек гостиную и направился к выходу. Мне нужно было физическое действие. Мне нужно было выжечь из крови этот странный, парализующий яд сомнения.

Миновав анфиладу комнат, я вышел через боковую дверь внутреннего двора, направляясь к конюшням. Морозный воздух ударил в легкие, обжигая гортань тысячами ледяных игл. Ветер срывал с ветвей вековых сосен снежную пыль, швыряя ее мне в лицо, но я не обращал на это внимания.

Конюшни встретили меня теплом, запахом свежего сена, опилок и терпким, животным мускусом. Конюх, пожилой итальянец, преданный мне до фанатизма, поспешно вышел навстречу, низко склонив голову.

— Подготовь Инферно, — бросил я на ходу, направляясь к дальнему деннику.

Инферно был андалузским жеребцом вороной масти, огромным, свирепым животным с дурным нравом и пугающей силой. Я купил его три года назад в Испании, когда предыдущий владелец собирался его пристрелить за то, что тот покалечил двух наездников. В этом звере жила первобытная, неконтролируемая ярость, которая резонировала с моей собственной тьмой. Укрощение Инферно стало для меня делом принципа. Я сломал его сопротивление не жестокостью, а абсолютной, подавляющей волей. Он признал во мне альфу. Но даже сейчас, спустя годы, каждая наша поездка была не партнерством, а молчаливым подтверждением моего суверенитета.

Когда жеребца вывели в проход, он захрапел, перебирая копытами, его темные глаза косили, выискивая слабину. Я взял поводья из рук конюха, не надевая седла. Мне не нужна была прослойка из кожи между мной и этой первобытной силой.

Одним плавным, точным движением я взлетел на спину животного. Инферно инстинктивно дернулся, попытался встать на дыбы, но я жестко натянул повод, сжимая его бока коленями.

— Спокойно, — мой голос прозвучал как удар хлыста. Жеребец фыркнул, из его ноздрей вырвались облака пара, но он подчинился.

Я направил его прочь от конюшен, в сторону заснеженного леса. Как только мы миновали линию деревьев, я дал ему шенкель, отпуская поводья.

Инферно рванул вперед с места, словно выпущенный из катапульты снаряд. Мы летели сквозь бурю. Ветки деревьев хлестали по лицу, оставляя царапины, ветер выл в ушах, превращаясь в сплошной, оглушающий гул. Могучие мышцы коня перекатывались под моими

ногами, его копыта взрывали сугробы, разбрасывая вокруг комья мерзлой земли и льда. Это была скачка на грани безумия, без троп, без направления, в слепую метель.

Я гнал его все быстрее, требуя невозможного, пытаясь через физическое напряжение, через эту дикую, опасную скорость заглушить внутренний голос. Я слился с животным в одно целое, превратившись в кентавра, сотканного из холода и агрессии.

«Я не орхидея, Антонио...»

Черт бы побрал эту девчонку.

Я натянул поводья с такой силой, что кожа врезалась в ладони. Инферно резко затормозил, оседая на задние ноги, его копыта заскользили по льду, скрытому под снегом. Мы остановились на краю обрыва, откуда открывался вид на замерзшую реку. Жеребец тяжело дышал, его черная шкура покрылась белой пеной пота. Я гладил его по горячей, влажной шее, чувствуя, как бешеный ритм моего собственного сердца постепенно замедляется.

Я смотрел на серую, мертвую пустошь внизу и понимал пугающую истину. Моя власть над людьми основывалась на их страхе или их алчности. Я знал, чем их купить и чем их напугать. Но Элиза... Элизе не нужны были мои деньги. Подаренный фолиант она восприняла не как награду, а как посягательство на свою территорию. А страх... она боялась меня, да. Но ее страх перед потерей себя оказался сильнее страха передо мной.

В этом хрупком теле, сжимавшемся в моих руках от оргазмов и слез, оказался титановый стержень, о который я только что сломал свои привычные инструменты манипуляции.

Она бросила мне вызов. Не истерикой, не слезами, а холодным, осознанным уходом. И самое страшное заключалось в том, что этот вызов не вызывал у меня желания уничтожить ее. Он вызывал у меня извращенное, темное восхищение.

Я развернул коня и шагом направился обратно к поместью. Снегопад начал утихать, оставляя после себя звенящую, кристальную тишину.

Остаток дня я провел в своем кабинете на первом этаже, отказываясь от еды и игнорируя звонки партнеров. Только когда за окном сгустились ранние зимние сумерки, я покинул кабинет и медленно, словно ведомый невидимым магнитом, поднялся в библиотеку.

Я открыл тяжелую дверь из красного дерева. Комната была погружена в полумрак. Камин давно погас. Я не стал включать свет, мне было достаточно тусклого, серебристого свечения луны, отражающегося от снега за окном.

Я подошел к массивному столу. Бумаги, которые я смахнул вчера на пол, так и лежали там разбросанным белым ковром. Я строго-настрого запретил прислуге входить сюда. Пространство все еще хранило энергетику вчерашней ночи. Я провел ладонью по гладкой, полированной поверхности махагони. Дерево было холодным. Но моя физическая память была настолько острой, что кончики пальцев будто обожгло фантомным жаром ее обнаженной кожи.

Я помнил, как она прогибалась здесь, как ее ногти впивались в этот стол, оставляя микроскопические царапины. Я помнил вкус ее губ, горьковато-соленый от слез, и звук ее сорванного голоса. Я взял ее здесь с такой безжалостной жадностью, словно пытался выпить ее до дна, словно пытался присвоить себе ее саму, ее мысли, ее дыхание.

Я налил себе коньяк из хрустального графина, стоящего на боковом столике. Жидкость обожгла горло, но не принесла тепла. Опустившись в тяжелое кожаное кресло, я сделал еще один глоток, глядя в темноту.

Ее профессия. Реставратор.

Она возвращала к жизни то, что было сломано, разорвано и забыто. Она обладала безграничным терпением и нежностью к вещам, которые большинство людей выбросило бы на свалку. А я? Я был ее полной противоположностью. Мой бизнес, моя империя, моя жизнь строились на разрушении. Я поглощал компании, уничтожал конкурентов, ломал чужие судьбы ради сохранения своего баланса сил. Я был агентом хаоса и контроля.

Именно поэтому меня так неудержимо тянуло к ней. Она была моим антиподом. В ее присутствии я чувствовал то, чего был лишен с ранней юности — ощущение первозданной, неиспорченной чистоты. Но моя природа хищника не позволяла мне просто наблюдать за этой чистотой. Я хотел владеть ею. Я хотел окунуть ее в свою тьму, чтобы посмотреть, выживет ли ее свет.

Сегодня утром в оранжерее она доказала, что ее свет не просто выживет — он может ослепить меня.

Она думает, что победила. Она вернулась в свою маленькую квартиру, заперлась среди своих старых книг и искренне верит, что установила дистанцию. Она думает, что ее холодность оттолкнет меня.

Мои губы тронула медленная, мрачная усмешка.

Моя наивная, гордая Элиза. Она не понимает одного фундаментального закона моего мира: если добыча перестает бежать и начинает скалить зубы, охота не заканчивается. Она переходит на совершенно новый, гораздо более опасный уровень.

Я не стану звонить ей сегодня. Я не стану присылать за ней машину завтра. Я не буду забрасывать ее подарками или угрозами. Я дам ей то, чего она так отчаянно просила — иллюзию суверенитета. Я позволю ей подышать воздухом свободы, позволю ей поверить, что она смогла перерезать ту невидимую пуповину, которая связывала нас.

Я дам ей время успокоиться. Дам ей возможность снова погрузиться в рутину, клеить старые страницы и пить чай на своем скрипучем подоконнике. Я позволю ей начать думать, что она в безопасности.

А затем, когда она меньше всего будет этого ожидать, когда ее ледяная броня растает от тоски — а я знал, что она будет тосковать, потому что яд в ее крови был таким же реальным, как и в моей, — я сделаю свой ход. И в этот раз я не буду использовать силу или авторитарные приказы. Я не буду загонять ее в стеклянный саркофаг.

Я заставлю ее саму, добровольно, открыть мне дверь.

Я допил коньяк, поставил пустой бокал на стол и поднялся. В библиотеке было невыносимо холодно, но внутри меня разгоралось новое, ровное и пугающе спокойное пламя. Это больше не было слепое, животное вожделение. Это было нечто гораздо более глубокое, сложное и необратимое.

Я не верил в любовь. В моем лексиконе это слово было синонимом уязвимости и слабости. Я называл это одержимостью, аномалией, сбоем в системе.

Но, выходя из темной библиотеки и закрывая за собой дверь, я впервые в жизни поймал себя на мысли, что готов переписать правила своей собственной игры. Ради нее. Только ради того, чтобы увидеть, как эта гордая, упрямая девочка снова посмотрит на меня — но не со страхом, не с покорностью рабыни, а с тем огнем равного партнера, который я разглядел в ее глазах сегодня утром.

Она хотела войны за свою независимость. Что ж. Я был генералом, который не проиграл ни одного сражения.

Я подошел к панорамному окну в коридоре. Метель полностью прекратилась. Ночное небо очистилось, обнажив россыпь холодных, колючих звезд, сияющих над заснеженными верхушками сосен. Зима только начиналась. И наша настоящая игра — тоже.

ГЛАВА 11. Чернила и кровь:

Перспектива Элизы:

Свобода имеет вкус застоявшегося воздуха. Вернувшись в свою квартиру, я заперла дверь на два оборота, скинула тяжелое пальто и прислонилась спиной к обшарпанным обоям. Мое сердце билось ровно. Впервые за несколько месяцев я не чувствовала того лихорадочного, рваного ритма, который всегда сопровождал любое, даже самое незначительное взаимодействие

с Антонио. Я сбежала из оранжереи, вырвалась из его стеклянного саркофага, отстояв свое право на одиночество.

Но почему тогда эта тишина казалась такой оглушительной?

Я прошла на кухню и налила себе стакан ледяной воды из-под крана. Вода обожгла горло, смывая остатки вкуса его поцелуев, запах его кожи и тот дурманящий аромат эквадорских орхидей. Я посмотрела на свое отражение в темном оконном стекле. Бледная, с темными кругами под глазами, в простом сером платье. Это была я. Настоящая Элиза. Не кукла в бархате, не покорная любовница на махагоновом столе, а реставратор старых книг, живущая на окраине города.

Следующие три дня превратились в испытание моей новой, хрупкой независимости. Я ожидала штурма. Я ждала, что Антонио обрушит на меня свой гнев, что его черные внедорожники снова перекроют мою улицу, что мой телефон разорвется от приказов. Я готовилась держать осаду, выстраивая в уме новые бастионы защиты.

Но он не звонил.

Ни звонков, ни сообщений, ни цветов, ни безликих порученцев. Ничего. Антонио просто исчез с моих радаров, словно его никогда и не существовало в моей жизни.

Сначала это принесло облегчение. Я погрузилась в работу над фолиантом из Женевы с удвоенной силой, отгораживаясь от мира запахами костного клея и пчелиного воска. Я бережно восстанавливала каждый миллиметр марокканской кожи, укрепляла корешок, очищала страницы. Книга оживала под моими руками, возвращая себе былую красоту, но каждый раз, прикасаясь к ней, я чувствовала холодный, пронизывающий взгляд того, кто ее подарил.

На пятый день облегчение сменилось тревогой.

Я начала замечать за собой странные, пугающие привычки. Я вздрагивала от каждого звука проезжающей машины, инстинктивно ища глазами черный силуэт «Майбаха». Я проверяла телефон каждые пять минут, обманывая себя тем, что жду важного звонка от клиентов. Я просыпалась посреди ночи, тяжело дыша, потому что мое тело, лишенное привычной дозы адреналина и его жестких ласк, билось в абстинентном синдроме.

Антонио не штурмовал мои стены. Он применил гораздо более изощренную и жестокую тактику — он устроил блокаду. Он оставил меня наедине с самой собой, позволив мне задыхаться в вакууме, который сама же и создала.

На седьмой день пошел густой, липкий снег. Город утонул в белой пелене, пробки сковали улицы, а серое небо, казалось, опустилось прямо на крыши домов. Я не пошла в мастерскую. Я осталась дома, кутаясь в теплый плед, пытаясь читать, но строчки расплывались перед глазами.

Вечером, когда темнота окончательно вступила в свои права, раздался звонок в дверь.

Я замерла. Сердце подпрыгнуло к самому горлу. Я медленно, на цыпочках подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной клетке стоял курьер в фирменной куртке.

Открыв дверь на длину цепочки, я с подозрением посмотрела на него.

— Элиза? — спросил парень, сверяясь с планшетом. — Вам посылка. Распишитесь здесь.

Я расписалась непослушными пальцами и забрала небольшую, плоскую коробку, обернутую в плотную крафтовую бумагу без обратного адреса. Вернувшись на кухню, я долго смотрела на нее, не решаясь вскрыть. Внутри мог быть очередной ультиматум, очередной приказ.

Сорвав обертку, я обнаружила гладкую, черную картонную коробку. Внутри, на подложке из темного бархата, лежал ключ. Старинный, тяжелый ключ из темного металла с замысловатой, витиеватой головкой. И больше ничего. Ни записки, ни объяснений.

Я повертела ключ в руках, чувствуя его тяжесть. Это был не ключ от машины, не электронная карточка от пентхауса. Это был ключ от двери, которая, возможно, скрывала то, что Антонио никогда никому не показывал.

Он делал свой ход. И этот ход был гениальным в своей простоте. Он не приказывал мне приехать. Он давал мне выбор. Ключ обжигал ладонь, как раскаленный уголь.

Я не спала всю ночь. Я лежала в темноте, сжимая этот кусок металла в руке, взвешивая все «за» и «против». Мой разум кричал, что это ловушка, что стоит мне воспользоваться этим ключом, и я навсегда потеряю себя, признав свое полное поражение. Но мое тело... мое тело уже приняло решение. Оно помнило вкус его губ, силу его рук, то сокрушительное чувство защищенности и первобытной страсти, которое я испытывала только рядом с ним.

Утром, едва дождавшись рассвета, я оделась. Я выбрала простое черное платье, облегающее, но не вызывающее, накинула пальто и вызвала такси. Я назвала адрес его загородного поместья, тот самый адрес, который врезался мне в память в прошлый раз.

Дорога заняла около часа. Ворота поместья были открыты, словно меня ждали. Такси высадило меня у центрального входа. Я расплатилась и подошла к массивным дубовым дверям.

Сердце колотилось так сильно, что, казалось, сейчас проломит ребра. Я вставила ключ в скважину. Он вошел плавно, с легким, удовлетворяющим щелчком. Я повернула ручку и шагнула внутрь.

Дом встретил меня тишиной, но это не была та глухая тишина, что в прошлый раз. В воздухе витал запах крепкого кофе, горячего дерева и мужского парфюма. Я сняла пальто и повесила его на вешалку, чувствуя себя так, словно переступила порог храма, где меня ждал древний, темный бог.

Я пошла на запах, интуитивно находя дорогу. Он привел меня в просторную гостиную, залитую бледным зимним светом.

Антонио стоял спиной ко мне, у высокого панорамного окна. На нем были темные джинсы и простая черная футболка, облегающая его широкие плечи и рельефную спину. Он не обернулся, когда я вошла, но я знала, что он почувствовал мое присутствие.

— Я думал, ты продержишься дольше, — произнес он, и в его низком, вибрирующем голосе не было ни торжества, ни насмешки. Только спокойная констатация факта.

— Ты не оставил мне выбора, — тихо ответила я, делая несколько неуверенных шагов в глубь комнаты.

Он медленно повернулся. Его глаза, черные и бездонные, впились в меня, сканируя каждую черточку моего лица, пытаясь найти следы моей капитуляции.

— Я дал тебе ключ, Элиза. Ты могла выбросить его. Ты могла остаться в своей квартире, среди своих книг, наслаждаясь своей свободой. Но ты пришла.

Он шагнул ко мне. Воздух между нами мгновенно уплотнился, наэлектризовался, как перед грозой.

— Я пришла, потому что ты знал, что я приду, — я попыталась вскинуть подбородок, но моя уверенность таяла под его пронзительным взглядом. — Ты знал, что я не смогу устоять перед этой загадкой.

— Загадкой? — он усмехнулся, и эта усмешка была опасной, хищной. — Ты думаешь, это игра?

Он сократил расстояние между нами, оказываясь вплотную ко мне. Его рука поднялась, длинные пальцы легли на мою шею, большой палец мягко, но властно погладил пульсирующую вену.

— Ты пришла не из-за ключа, Элиза. И не из-за загадки, — его голос стал низким, обволакивающим шепотом. — Ты пришла, потому что твое тело истосковалось по мне. Потому что ты больше не можешь спать, не чувствуя моей тяжести. Потому что свобода оказалась слишком горькой на вкус.

Его слова были безжалостными, но они били точно в цель. Я закрыла глаза, не в силах вынести эту обнаженную правду. Моя нижняя губа задрожала.

— Да, — прошептала я, сдаваясь. — Да, это так.

Его пальцы на моей шее сжались чуть сильнее, заставляя меня открыть глаза и посмотреть на него. В его взгляде больше не было холодного контроля. В них горел темный, первобытный огонь, голод, который он сдерживал эти семь дней.

— Тогда докажи это, — прорычал он.

Он не стал меня целовать. Он резко, одним слитным движением подхватил меня на руки и понес. Я ахнула, инстинктивно цепляясь за его плечи. Он вынес меня из гостиной и направился к лестнице, ведущей вниз, в подвальные помещения особняка.

Мы спустились по каменным ступеням, освещенным редкими бра на стенах. Воздух здесь был прохладным и пах сыростью и старым вином. Антонио толкнул плечом тяжелую дубовую дверь, и мы оказались в винном погребе.

Это было огромное помещение со сводчатыми потолками, уставленное бесконечными рядами стеллажей, на которых покоились тысячи бутылок. В центре комнаты стоял массивный дегустационный стол из грубого дерева.

Антонио подошел к столу и одним резким движением смахнул с него несколько бокалов и пустую бутылку, которые с глухим звоном разбились о каменный пол. Затем он бесцеремонно опустил меня на столешницу.

Дерево было холодным и шероховатым. Я вздрогнула, когда его руки легли на мои бедра.

— Ты хотела свободы, — его дыхание обжигало мою кожу сквозь ткань платья. — Но ты вернулась в мою клетку. И теперь ты будешь жить по моим правилам.

Он потянулся к подолу моего черного платья и начал медленно, методично поднимать его вверх. Его пальцы касались моих чулок, обжигая кожу сквозь тонкую сетку. Я непроизвольно раздвинула ноги, предлагая себя, сдаваясь его власти.

Антонио остановил ткань на талии, обнажив меня. На мне не было белья, только пояс и черные чулки. Я подготовилась к этой встрече, и он это понял.

В его глазах вспыхнул инфернальный огонь.

— Сучка, — прошептал он, и это слово прозвучало не как оскорбление, а как высшая форма признания моей покорности.

Он не стал размениваться на прелюдии. Его руки властно легли на мои разведенные бедра, фиксируя меня на месте. Он наклонился и впился губами в пульсирующий центр моего наслаждения.

Я вскрикнула, запрокидывая голову. Каменный свод погреба отразил мой крик. Его язык был безжалостным, шершавым, он вторгался в меня, слизывая мою влагу, терзая мою плоть с животной жадностью. Он знал каждую мою чувствительную точку, каждый нерв, и он использовал это знание, чтобы свести меня с ума.

Его пальцы проникли в меня, растягивая, подготавливая к большему. Два пальца вошли глубоко, двигаясь в жестком, рваном ритме, пока его рот продолжал пытать мой клитор.

— Антонио... пожалуйста... — я извивалась на грубом дереве стола, царапая его поверхность, не в силах вынести этот чувственный перегруз. — Возьми меня...

Но он не торопился. Он довел меня до самого края, до той грани, где наслаждение переходит в невыносимую боль, а затем резко отстранился.

Я издала жалобный стон, открывая глаза.

Антонио расстегнул брюки. В полумраке погреба его плоть казалась огромной, напряженной до предела. Он шагнул ко мне, обхватив мои бедра своими сильными руками.

— Смотри на меня, Элиза, — приказал он.

Я встретилась с его темным, гипнотическим взглядом, и в следующее мгновение он одним сокрушительным толчком вонзился в меня до самого основания.

Крик сорвался с моих губ. Это было больно, грубо, но в то же время невероятно правильно. Он заполнил ту пустоту, которая мучила меня все эти семь дней.

Он начал двигаться. Его толчки были дикими, первобытными. Кожа билась о кожу, звук этих ударов разносился по погребу, сливаясь с моим прерывистым дыханием. Я обхватила его торс ногами, прижимаясь к его твердым бедрам, ловя каждое его движение.

Он не просто трахал меня. Он клеймил меня. Он утверждал свою власть, доказывал мне, что я принадлежу ему, что все мои попытки сбежать были лишь детской игрой.

— Чья ты? — рычал он с каждым толчком, его пальцы впивались в мои ягодицы, оставляя синяки.

— Твоя... — выдохнула я, теряя последние остатки гордости. — Только твоя...

Его ритм стал еще более бешеным. Я чувствовала, как внутри меня разгорается пламя, как тугая спираль напряжения скручивается, готовая взорваться. Я задыхалась, мои стоны превратились в непрерывный скулеж.

— Кончай для меня, — приказал он, его рука скользнула между нашими телами, и большой палец начал жестко растирать мой клитор.

Экстаз ударил меня с такой силой, что я ослепла на несколько секунд. Мое тело выгнулось дугой, мышцы лона судорожно сжались вокруг его плоти. Я кричала его имя, растворяясь в этом ослепительном, разрывающем блаженстве, отдавая ему всю себя, без остатка.

Мой оргазм спровоцировал его. Антонио издал низкий, гортанный рев, сделал несколько последних, самых глубоких толчков, и его тело застыло. Он излился в меня горячей, пульсирующей лавиной.

Мы замерли, тяжело дыша, оглушенные силой произошедшего. Антонио рухнул на меня, его лицо зарылось в изгиб моей шеи. Я чувствовала, как бешено колотится его сердце, как пот струится по его коже.

Я лежала на холодном столе в винном погребе, придавленная его весом, и понимала, что проиграла эту войну. Я добровольно вернулась в его клетку, позволив ему запереть дверь. И самое страшное заключалось в том, что я была счастлива.

ГЛАВА 12. Искусство разрушения:

Время после моего добровольного падения в винном погребе обрело странную, тягучую консистенцию. Я жила в состоянии перманентного наркотического опьянения, где дозами служили его редкие звонки, его внезапные приезды и те часы глухой, поглощающей страсти, в которых мы сгорали за закрытыми дверями его крепостей. Я восстановила женевский фолиант. Древняя марокканская кожа снова обрела целостность, страницы были скреплены невидимыми нитями, и книга выглядела безупречно. Как и я. Внешне я казалась спокойной, собранной, увлеченной своей работой. Но внутри меня зияла пульсирующая воронка, всасывающая в себя все мои принципы, всю мою гордость, всю мою былую независимость.

В тот вечер зима обрушила на город новую порцию ледяного гнева. Снег падал крупными, тяжелыми хлопьями, превращая улицы в монохромные декорации немого кино. Владелец антикварной лавки, месье Дюпон, передал мне пригласительный билет на закрытую выставку искусства Раннего Возрождения, которая проходила в Национальной галерее. Это было событие для элиты, для тех, кто мог позволить себе приобретать полотна, стоимость которых равнялась бюджету небольших государств.

Я решила пойти. Мне нужно было прикоснуться к чему-то вечному, незыблемому, к искусству, которое пережило столетия интриг и предательств. Для этого вечера я выбрала винтажное, пепельно-серое платье из струящегося крепа, закрытое под горло, с длинными рукавами и струящейся юбкой, которая делала мои шаги бесшумными. Волосы я убрала в строгую, гладкую ракушку на затылке. Я выглядела как тень, как призрак из прошлого века, случайно забредший в мир современных хищников.

Национальная галерея встретила меня ослепительным светом хрустальных люстр, приглушенным гулом голосов и запахом баснословно дорогих парфюмов, в которых преобладали

ноты уда, амбры и шафрана. Струнный квартет, расположившийся на мраморном балконе, играл Вивальди. Люди вокруг скользили по паркету, обмениваясь фальшивыми улыбками и оценивающими взглядами.

Я бродила анфиладами залов, сжимая в руке бокал с нетронутым шампанским. Остановившись перед полотном Караваджо, я завороженно смотрела на игру светотени, на то, как беспощадно художник выхватывал из мрака лица своих героев, обнажая их боль и пороки.

— Выставка потрясающая, не правда ли? — донесся до меня женский голос.

Я обернулась и замерла. Мир вокруг мгновенно потерял краски, звуки струнного квартета превратились в глухой белый шум. Мои легкие сжались, отказываясь принимать воздух, а по венам вместо крови побежала ледяная кислота.

В нескольких метрах от меня, в центре группы влиятельных инвесторов, стоял Антонио. На нем был безукоризненный смокинг цвета воронова крыла, подчеркивающий его широкие плечи и хищную, расслабленную грацию. Но мое внимание, моя боль, мой ужас были прикованы не к нему, а к женщине, стоявшей рядом.

Она была ослепительна. Ей было около тридцати пяти. Высокая, статная, с аристократическим профилем и копной густых, каштановых волос, уложенных в нарочито небрежную, но идеальную прическу. На ней было платье из жидкого серебра, оставляющее открытой безупречную спину. На ее тонком запястье сверкал браслет с бриллиантами, стоимость которых я даже не могла вообразить.

Но убило меня не ее богатство и не ее красота. Меня убила та интимная, собственническая уверенность, с которой она держала Антонио за руку.

Ее длинные пальцы с идеальным бордовым маникюром свободно лежали на лацкане его смокинга. Она наклонилась к нему, что-то шепча на ухо, и ее губы почти коснулись его скулы. И Антонио... мой холодный, неприступный Антонио, который всегда диктовал дистанцию, не отстранился. Уголок его губ дрогнул в ответной, понимающей усмешке. Он чуть склонил голову, слушая ее, и в этом жесте было столько скрытой близости, столько общего прошлого, о котором я не имела ни малейшего понятия, что у меня перехватило дыхание.

Это была не сестра. Это не была случайная деловая партнерша. Это была женщина его круга. Его ровня. Женщина, которую не прячут в загородных поместьях и не вызывают по ночам сухим сообщением. Женщина, с которой выходят в свет, с которой делят власть, статус и жизнь при свете дня.

Я стояла, парализованная этим зрелищем, чувствуя, как внутри меня с оглушительным треском рушится тот хрупкий иллюзорный мир, который я строила последние недели. Я поняла свою роль с беспощадной, математической ясностью. Я была его подземельем. Его тайным пороком. Его грязным, животным инстинктом, который он удовлетворял в темноте. А эта женщина из серебра и бриллиантов была его фасадом, его реальностью, его будущим.

В этот момент, словно почувствовав колебания воздуха, Антонио поднял глаза.

Его взгляд, тяжелый, темный и пронизывающий, метнулся через зал и безошибочно нашел меня в толпе. Время остановилось. Мы смотрели друг на друга сквозь десятки людей, разделенные непреодолимой пропастью социального неравенства и моей уничтоженной гордости.

Я ждала, что он уберет ее руку. Ждала, что в его глазах мелькнет хотя бы тень вины или сожаления. Но лицо Антонио осталось абсолютно непроницаемым, как каменная маска. Он не отвел взгляд. Он не сделал ни единого жеста, чтобы отстраниться от женщины. Его черные глаза смотрели на меня с ледяным предупреждением, констатируя факт: *«Это мой мир. И ты знала правила, когда отдавала мне ключи от своей души».*

Чувство унижения было настолько острым, что меня физически затошнило. Я отвернулась. Мои ноги, казавшиеся ватными, сделали первый шаг, затем второй. Я оставила нетрону-

тый бокал на подоконнике и, не разбирая дороги, почти бегом направилась к выходу, прочь из этого дворца лицемерия.

Я не помнила, как добралась до своей мастерской. Моя маленькая квартира казалась мне сейчас враждебной, мне нужно было место, где пахло клеем и пылью, место, где я могла спрятаться, как раненое животное в норе. Я заперла тяжелую металлическую дверь полуподвала, не включая верхний свет. Только тусклая настольная лампа освещала рабочий стол.

Скинув пальто прямо на пол, я прислонилась к холодной кирпичной стене и медленно сползла вниз. Слезы, которые я сдерживала в галерее, наконец прорвали плотину. Я рыдала в голос, размазывая по лицу слезы и остатки гордости, задыхаясь от боли, ревности и ненависти к самой себе. Как я могла быть такой слепой? Как я могла поверить, что мои стоны на его столе могут заменить ему женщину его статуса?

Прошло около часа. Мои рыдания превратились в тихие, прерывистые всхлипы. Тишину мастерской нарушал лишь гул водопроводных труб и вой ветра за узким окном под потолком.

Внезапно раздался резкий, металлический скрежет. Звук ключа, поворачивающегося в замке.

Я вздрогнула и вскинула голову. Дверь со скрипом распахнулась, впуская в полуподвал облако морозного пара. На пороге стоял Антонио.

На нем все еще был тот самый безукоризненный смокинг, но бабочка была развязана и свободно свисала на груди, а пальто накинуто на плечи. Его лицо было искажено гневом — темным, первобытным, сжигающим все на своем пути. Он захлопнул дверь с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка, и задвинул тяжелый засов.

— Зачем ты пришел? — мой голос сорвался, прозвучав жалко и надломленно. Я попыталась встать, но ноги не держали. — Иди к ней. Возвращайся в свою идеальную жизнь.

Он пересек мастерскую в три широких шага, как разъяренный хищник. Схватив меня за плечи, он рывком поднял меня на ноги и впечатал спиной в кирпичную стену. Удар выбил из моих легких остатки воздуха.

— Не смей сбегать от меня, — прорычал он прямо мне в лицо. От него пахло морозом, шампанским и той самой женщиной. Этот чужой аромат стал для меня триггером.

Я начала вырываться, колотя кулаками по его твердой, как гранит, груди. Моя печаль мгновенно трансформировалась в дикую, неконтролируемую ярость.

— Не прикасайся ко мне! — кричала я, извиваясь в его стальной хватке. — Я видела вас! Я видела, как она трогала тебя! Кто она, Антонио?! Твоя невеста? Твоя жена?! А я кто? Твоя шлюха для подвала?!

— Замолчи! — его голос прогремел, как раскат грома. Его руки переместились на мои запястья, безжалостно сжимая их и пригвождая к стене над моей головой. — Она — Констанца. Дочь главы корпорации, с которой я сейчас сливаю свой бизнес. Она — политика. Она — инструмент.

— Она трогала тебя так, словно ты принадлежишь ей! — я плакала, не в силах остановиться, запрокинув голову. Боль резала меня изнутри тупым ножом. — А ты... ты позволил ей. Ты смотрел на меня и позволил ей это!

— Потому что мой мир не терпит сцен! — его дыхание обжигало мои губы. В его глазах клубилась тьма. — Мой мир — это расчет. Но мое тело, моя одержимость... принадлежат не ей.

Он не стал больше ничего объяснять. Слова были бесполезны в этой буре. Антонио впился в мои губы сокрушительным, жестоким поцелуем, в котором не было ни капли нежности — только наказание, ярость и отчаянное желание доказать свою власть. Его язык грубо вторгся в мой рот, сминая любое сопротивление. Я почувствовала вкус собственной крови — он прикусил мою нижнюю губу до крови.

Я пыталась отвернуться, мычала в протесте, но мое тело, измученное ревностью, предательски откликалось на эту грубость. Жар мгновенно разлился внизу живота. Ненависть и

вожделение сплелись в такой тугой, уродливый узел, что я уже не могла разобрать, где заканчивается одно и начинается другое.

Одной рукой удерживая мои запястья над головой, другой Антонио схватил ворот моего пепельно-серого платья. С глухим, раздирающим звуком он потянул винтажный креп вниз. Ткань лопнула по шву на груди, обнажив мою кожу и тонкое черное кружево бюстгальтера. Пуговицы брызнули в разные стороны, ударяясь о кирпичный пол.

— Ты моя, — хрипел он, покрывая влажными, кусающими поцелуями мою ключицу, спускаясь к ложбинке между грудей. — Только моя. И я выбью из твоей головы любые мысли о других женщинах.

Его свободная рука скользнула под разорванный подол платья, грубо сминая тонкую сетку колготок. Он не стал их снимать, а просто разорвал ткань между моих бедер одним безжалостным рывком. Звук рвущегося капрона прозвучал как выстрел в тишине подвала.

Мое лоно уже пульсировало, истекая горячими, предательскими соками. Антонио нащупал влажную преграду моих кружевных трусиков и с силой оттянул узкую полоску ткани в сторону. Его длинные пальцы без колебаний, резко погрузились в мою пульсирующую глубину.

Я вскрикнула — громко, пронзительно. Это было больно от его грубости, но одновременно так сладко, что у меня подкосились ноги. Я повисла на его руке, удерживающей мои запястья, выгибаясь навстречу его пальцам. Он двигал ими внутри меня яростно, глубоко, дотягиваясь до самого дна, в то время как большим пальцем жестко, почти болезненно растирал мой чувствительный центр.

— Плачь, — приказал он, глядя в мои полные слез глаза. — Плачь от того, как сильно ты меня хочешь, Элиза. Признай это.

— Ненавижу... я ненавижу тебя... — всхлипывала я, хотя мои бедра сами двигались в такт его безжалостным толчкам, умоляя о большем.

— Лгунья, — усмехнулся он, и в этой усмешке был оскал дьявола.

Он резко вытащил пальцы. Звук расстегиваемой молнии на его смокинговых брюках разрезал воздух. Антонио освободил свою огромную, напряженную до предела плоть, налитую кровью и звериной похотью.

Он отпустил мои руки, но прежде чем я успела пошевелиться, он подхватил меня под ягодицы и оторвал от пола. Я рефлекторно обхватила его талию ногами, вцепившись пальцами в его широкие плечи, сминая дорогую ткань смокинга. Он прижал меня спиной к кирпичной стене и, не дав мне времени на вдох, одним мощным, сокрушительным толчком вонзился в меня до самого конца.

Я задохнулась от боли и разрывающей полноты ощущений. Мои ногти впились в его шею, оставляя глубокие, кровоточащие царапины. Он заполнил меня так глубоко, что мне показалось, он разорвет меня пополам.

— Смотри на меня! — рявкнул он, начиная двигаться.

Его толчки были короткими, дикими, вколачивающими меня в кирпичную кладку. Моя спина горела огнем от трения о грубый камень, но эта боль тонула в ослепительном, животном экстазе, который расходился волнами от моего лона по всему телу.

Каждый его выпад был утверждением права собственности. Он выбивал из меня ревность, выбивал сомнения, заменяя их чистым, концентрированным безумием. Воздух в мастерской пропитался запахом секса, пота и отчаяния.

— Кто в тебе сейчас? — рычал он, ускоряя темп до невыносимого. — Член какой-то Констанцы или мой? Кому ты принадлежишь?!

— Тебе! Тебе, Антонио! — кричала я, теряя связь с реальностью.

Стена за моей спиной сотрясалась от силы его ударов. Я была готова умереть в этот момент, распятая на кирпичной стене, разорванная его яростью и своей больной, разрушительной любовью.

Оргазм обрушился на меня, как цунами. Это была не просто разрядка, это была агония. Внутренние мышцы спазматически, судорожно сжались вокруг его твердости, выкачивая из него жизнь. Я закричала в голос, запрокинув голову, мои слезы смешались с потом, катясь по щекам.

Мой крик сломал его контроль. Антонио издал хриплый, утробный рык. Он сделал три последних, разрывающих толчка, вжимая меня в стену всем своим огромным весом, и излился в меня мощной, обжигающей лавиной.

Мы замерли, тяжело, со свистом глотая воздух. Он уткнулся лбом в мое плечо, его руки дрожали, удерживая меня на весу. Я чувствовала, как его сердце колотится о мою грудь, словно обезумевшая птица.

Медленно, неохотно он опустил меня на пол. Мои ноги подкосились, и я съехала бы вниз по стене, если бы он не удержал меня за талию. Разорванное пепельное платье жалкими лохмотьями свисало с моих плеч.

Антонио молча поправил одежду. Его лицо было бледным, в глазах все еще догорал темный огонь, но маска контроля уже возвращалась на свое место. Он посмотрел на меня — измученную, заплаканную, с кровоточащей губой и синяками на запястьях.

Он протянул руку и большим пальцем стер каплю крови с моего подбородка.

— Искусство, галереи, светские приемы... это пыль, Элиза, — произнес он тихим, глухим голосом. — То, что происходит между нами здесь, в этой грязи — единственное, что по-настоящему реально. Запомни это, прежде чем снова решишь бежать.

Он не поцеловал меня на прощание. Развернувшись, он шагнул к двери, отодвинул засов и вышел в метель, оставив меня одну в полумраке мастерской.

Я сползла на кирпичный пол, обхватив колени руками. Я победила Констанцу в этой примитивной, физиологической битве за его семя. Но я проиграла саму себя. Я стала его тенью, его темным, зависимым отражением, готовым переносить любую боль, лишь бы он оставался внутри меня. И эта истина была страшнее любой измены.

ГЛАВА 13. Первое падение:

Утро пришло в полуподвальную мастерскую не с первыми лучами солнца — они не могли пробиться сквозь заиндевевшие, заваленные снегом окна под потолком. Оно пришло с ледяным, пронизывающим до самых костей холодом, который медленно, неумолимо вытягивал остатки тепла из моего обнаженного тела. Я лежала на жестком кирпичном полу, свернувшись в позу эмбриона, укрытая лишь собственным старым шерстяным пальто. Антонио набросил его на меня перед тем, как уйти, и этот жест — смесь собственнической заботы и брезгливой жалости — причинял мне сейчас больше боли, чем синяки, расцветавшие на моих запястьях и бедрах.

Тишина вокруг была абсолютной, мертвенной. Вчерашняя буря страсти, ярости и ревности, бушевавшая в этих стенах, утихла, оставив после себя лишь горькое похмелье реальности. Я приподнялась на локтях. Тело отозвалось тупой, тягучей болью. Каждое движение напоминало о том, как безжалостно он вколачивал меня в эту стену, выбивая из моего сознания образ Констанцы в ее жидком серебре.

Мой взгляд упал на остатки пепельно-серого винтажного платья. Оно лежало в углу, разорванное пополам, словно птица с перебитыми крыльями. Тонкий креп, который еще вчера вечером делал меня похожей на призрака из другой эпохи, теперь превратился в грязную тряпку. Это было метафорическое отражение моей души — разорванной, униженной, брошенной на холодный пол.

Дрожащими, неслушающимися пальцами я попыталась привести себя в порядок. Я натянула запасной рабочий свитер, который всегда держала в шкафчике, и старые джинсы. В горле першило, а голова казалась налитой свинцом. Озноб бил меня так сильно, что зубы выстуки-

вали лихорадочный ритм. Холод кирпича, на котором я пролежала несколько часов, проник глубоко внутрь, заморозив не только кровь, но и сами эмоции. Я ничего не чувствовала. Ни ревности, ни боли потери, ни даже стыда. Только звенящую, кристальную пустоту.

Дорога до квартиры превратилась в сюрреалистическое испытание. Снегопад, бушевавший ночью, прекратился, оставив город парализованным под метровым слоем девственно-белого снега. Воздух был морозным, колючим, он обжигал легкие при каждом вдохе. Я шла пешком, проваливаясь в сугробы, потому что ни одно такси не смогло бы проехать по этим нечищеным улицам окраины. С каждым шагом пейзаж вокруг становился все более размытым, границы зданий теряли четкость, сливаясь в сплошное серое пятно.

Когда я наконец добралась до своей двери и повернула ключ, мои руки уже не чувствовали металла. Я вошла в прихожую, даже не включив свет, стянула сапоги и, не раздеваясь, рухнула на кровать.

Болезнь обрушилась на меня стремительно, как хищник, долго выжидавший в засаде.

Это не была обычная простуда. Это была глубокая, системная лихорадка, вызванная переохлаждением и чудовищным нервным истощением. Температура подскочила так быстро, что я потеряла счет времени. Моя маленькая спальня превратилась в плавильную печь. Я горела. Жар волнами расходился от центра груди, иссушая кожу, превращая губы в потрескавшуюся корку.

Грань между реальностью и бредом истончилась, а затем и вовсе исчезла. В моем воспаленном сознании замелькали хаотичные, пугающие образы. Я видела темные, влажные листья эквадорских орхидей, которые тянули ко мне свои хищные бутоны, пытаясь задушить. Я видела улыбку Констанцы — идеальную, симметричную улыбку манекена, которая шептала мне слова на латыни из старинного женевского фолианта. А над всем этим, как темный купол, доминировало лицо Антонио. Его черные глаза неотрывно следили за тем, как я сгораю, и в них не было пощады.

«То, что происходит между нами здесь, в этой грязи — единственное, что по-настоящему реально...»

Его голос звучал в моей голове, резонируя с каждым ударом сердца. Я металась по влажным от пота простыням, пытаясь сбросить с себя невидимые цепи. Мне казалось, что я заперта в стеклянном саркофаге, из которого откачали весь кислород. Я кричала, но из пересохшего горла вырывался лишь сиплый стон.

Я не знала, сколько дней или часов продолжалась эта агония. Время превратилось в густую, вязкую смолу. В редкие минуты прояснения сознания я понимала, что мне нужно встать, нужно дойти до кухни, выпить воды или найти жаропонижающее, но тело было парализовано слабостью. Я была абсолютно, пугающе одна в своей скорлупе.

Очередной приступ бреда отступил, оставив меня на грани обморока, когда я почувствовала изменение в атмосфере комнаты.

Запах.

Сквозь спертый, тяжелый воздух больной комнаты пробился острый, холодный аромат хвои, черного перца и дорогой кожи. Этот запах врезался в мое сознание, как разряд дефибриллятора.

Я с трудом разлепила тяжелые, горящие веки. Зрение фокусировалось медленно, выхватывая из полумрака силуэт.

Он сидел на краю моей узкой кровати.

Я моргнула, уверенная, что это очередная галлюцинация, порожденная лихорадкой. Антонио не мог быть здесь. В этой убогой квартире с отклеивающимися обоями и скрипучими половицами. Это была моя территория, бесконечно далекая от его мраморных дворцов и загородных поместий.

Но силуэт не исчезал. Наоборот, он обретал пугающую плотность и четкость. Антонио был одет не в костюм. На нем был темный, тонкий кашемировый джемпер, рукава которого были закатаны до локтей. Его лицо, всегда такое непроницаемое и контролируемое, сейчас казалось заострившимся, напряженным. В тусклом свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь незашторенное окно, я увидела, как плотно сжаты его челюсти, как напряжены желваки на скулах.

Внезапно я почувствовала обжигающий холод на своем лбу.

Я инстинктивно дернулась, но его большая ладонь мягко, но непреклонно удержала меня на месте. Он прикладывал к моему пылающему лбу махровое полотенце, смоченное в ледяной воде. Контраст температур был настолько резким, что из моих глаз сами собой покатились слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.